

ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМУАРЫ

Евгений ДЖУГАШВИЛИ

Мой дед Сталин
«Он – святой!»

Евгений Яковлевич Джугашвили
Мой дед Иосиф Сталин. «Он – святой!»
Серия «Запретные мемуары»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11789743
Мой дед Иосиф Сталин. «Он – святой!»: Яуза-пресс; М.; 2015
ISBN 978-5-9955-0784-0

Аннотация

Единственный из восьми внуков И.В. Сталина, Евгений Джугашвили является единомышленником и духовным наследником своего великого деда. И эта книга – не просто сенсационные мемуары, проливающие свет на кремлевские секреты и семейные тайны. Это – дань вечной памяти Вождя и его победной эпохи.

Почему внук впервые увидел деда на трибуне Мавзолея, а второй раз – уже в гробу? Знаете ли вы, что после смерти Сталина на его сберегательной книжке нашли всего 30 тысяч рублей (для сравнения, самый дешевый автомобиль тогда стоил 8000)? Почему автор убежден, что его отец Яков Джугашвили не сдался в плен, а погиб в бою? Правда ли, что Жуков виноват в катастрофе 1941 года и как главный заговорщик «достойн расстрела»? Как «украинская мафия» во главе с Хрущевым убила Берию, а «проклятая каста» оклеветала Вождя? К кому были обращены пророческие слова Сталина: «Я знаю, что после смерти не один ушат грязи будет вылит на мою голову, но ветер истории всё это развеет»? Как отправили в отставку маршала Рокоссовского, бросившего в лицо Хрущеву в разгар антисталинской кампании: «Иосиф Виссарионович для меня святой!» И в чем главная ложь Путина?

Эта бесстрашная книга не боится отвечать на самые запретные и опасные вопросы.

Содержание

Предисловие Ю. Мухина	5
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Яковлевич Джугашвили Мой дед Иосиф Сталин. «Он – святой!»

© Джугашвили Е.Я., 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Предисловие Ю. Мухина

Я помогал (технически) Евгению Яковлевичу Джугашвили с этой книгой. Поскольку я почти 15 лет был главным редактором газеты и выправил огромное количество рукописей, то, разумеется, меня тянуло как-то улучшить и рукопись Евгения Яковлевича Джугашвили. Тем более тянуло, что мы с ним, как вы это увидите, являемся товарищами по борьбе, особенно тянуло улучшить в главах, касающихся его видения политических вопросов. Однако удержало меня следующее.

Из всех семи внуков И.В. Сталина, Е. Джугашвили единственный его полноценный внук, поскольку он не только единственный из внуков единомышленник Сталина, но и бескомпромиссно борется за сталинские идеалы. К примеру.

«3 апреля 2013 г. в 22:00 внук Сталина Евгений Джугашвили обнаружил, что входная дверь в его квартиру взломана неизвестными лицами. На полу в гостиной были беспорядочно разбросаны распотрошенные картонные папки с материалами архива семьи Джугашвили. Часть документов исчезла. Из квартиры был также похищен рабочий компьютер. Другая электронная техника, а также деньги и ценные вещи, находившиеся в квартире, похищены не были. Очевидно, что целью взломщиков являлась информация, хранившаяся в памяти компьютера, и отдельные архивные документы. Эксперты «Правды о Катыни» связывают взлом квартиры, похищение рабочего компьютера и архивных документов Джугашвили с его активной деятельностью по защите чести и достоинства И. В. Сталина. В первую очередь – с предпринятой 26 марта 2013 г. попыткой возбудить в ОВД «Ховрино» уголовное дело за клевету о мнимой причастности Сталина к Катынскому расстрелу», – сообщил Интернет и некоторые СМИ. От себя добавлю, что не были похищены хранившиеся в столе 10 тысяч рублей и стоявшие на видном месте бутылка водки и бутылка коньяка. Видать приказ такой был от начальства – ценности и спиртное не трогать!

Надо сказать, НТВ, на удивление, и не сильно ерничало, но, тем не менее, не удержалось съехидничать, что у внука Сталина украли и дрель.

И мне вспомнился такой момент. Последние годы меня вызывали в ФСБ очень часто, а допросы и опросы велись в кабинетах на два, а то и на три сотрудника. И пару раз было, что напарники следователя в это время уже сшивали очередное сфабрикованное дело в тома. А каждый том был листов в 250, проколоть такую пачку шилом не реально, и они, бедные ходили по другим отделам и искали дрель, чтобы насверлить в пачках бумаги отверстия под шнур. Судя по всему, у них на все управление одна дрель.

И вот у внука Сталина вместе с компьютером и документами пропала дрель... Надо же! Деньги и выпивку, лежавшие практически на виду, не взяли, а дрель в глубине шкафа нашли. И кто бы это мог быть?? Преступников, понятное дело, милиция не нашла. Вы сильно удивлены тем, что не нашла?

Так, что в том, что Е.Я. Джугашвили это внук Сталина, сомневаться не приходится.

Поэтому сами по себе взгляды внука Сталина, и даже то, на что именно Евгений Джугашвили обращал и обратил внимание и решил описать в своих воспоминаниях, что именно запомнил, уже является историческим фактом. И я не осмелился эти факты корректировать.

Ведь интересно же предположить, каким бы мог быть Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) и как бы он прожил жизнь, если бы водовороты жизни не заставили его стать вождем народа. (Подчеркну – не он жаждал стать вождем, а его заставили стать вождем: до 1927 года Сталин трижды отказывался от этого бремени, но подчинился требованию товарищей (особенно настойчиво Сталин отказывался от должности вождя на пленуме 1927 года). И Сталин стал вождем. **ВЕЛИКИМ ВОЖДЕМ**, и под руководством великого вождя и народ был **ВЕЛИКИМ**. «Каков поп, таков и приход».

Я не буду рассказывать, о чем книга, – сами прочтете. Но я прочитал и просмотрел довольно много мемуаров различных деятелей, в том числе, и небольшого масштаба (для «вельмож в случае» мемуары пишут другие люди, да и вельможи не просто вспоминают, а оправдываются и сильно лгут, чтобы представить себя в выгодном свете). Мемуаристы помельче занимаются тем же самым, однако и лгут помельче – обыденно, и вспоминают, главным образом о том, как они были близки к великим персонам своего времени, и как «кучеряво» жили – как сладко ели и пользовались благами, недоступными простым смертным. Или наоборот – как страдали от того, что их обижали великие персоны, и они не могли сладко есть. Поэтому я напишу о нескольких общих моментах, который читатель может и упустить.

Евгений Джугашвили, безусловно, встречался со многими властными персонами своего времени, но, как вы увидите, счел необходимым вспомнить только двух – одного потому, что тот не предал Сталина, а другого потому, что предал. Но, зато, с какой любовью он вспоминает своих друзей и вспоминает потому, что они его друзья! И хотя, казалось бы, с его друзьями ничего особенного и не происходило по сравнению с жизнью сотен миллионов остальных граждан СССР, но как не вспомнить друзей?

Грузинская специфика заставила Евгения Яковлевича написать про множество застолий, но обратите внимание, что он очень редко описывает, что именно ел, – это для внука Сталина не главное. К примеру, он описывает марки, способы приготовления, районы происхождения многих грузинских вин, но вы так и не узнаете, какое вино именно ему нравилось, да и было ли такое. Интересно, что единственный раз, когда он обращает внимание на вкус еды, он рекомендует читателям хаши – самое дешевое блюдо, которое только можно придумать. Такое положение должно быть достаточно обидным для принимавших его в то время хозяев – ведь они старались приготовить вкусно и хотели его порадовать. Да вкусно ему было, очень вкусно, просто внуку Сталина запомнился сам факт общения с друзьями и хорошими людьми, а не еда. Он садился за стол с друзьями не для того, чтобы есть.

Историк А.Н. Шефов, работавший на ближней даче Сталина в 1955 году, среди документов обнаружил и меню последнего ужина в жизни Сталина – за 28 февраля 1953 года. Сталин заказал себе *«паровые картофельные котлеты, фрукты, сок и протоквашу»* Да, дед Евгения Джугашвили тоже ел, чтобы жить, а не жил, чтобы есть.

Теперь немного о грузинской специфике воспоминаний Евгения Джугашвили.

Разделение людей по национальности имеет место быть, однако мой опыт показывает, что глупо оценивать людей исходя из этой их особенности. Есть люди, и есть человекообразные животные. То есть, есть хорошие люди и плохие. И это в людях главное, а не их национальность. Среди моих друзей, близких и не очень, были и немцы, и евреи, и казахи, и ингуши, а вот грузин не было – так уж получилось. Даже за нормальным столом с ними не сидел. Может поэтому запомнился единственный случай застолья с грузином.

Где-то году в 1987 наше министерство распорядилось провести совещание заместителей директоров по коммерческой части и транспорту. Собрались мы, заместители директоров десяти ферросплавных предприятий Союза, на Челябинском электрометаллургическом комбинате. После совещания, принимавший нас коллега (замдиректора комбината) повез всех в лес на базу отдыха комбината в баню. Мы парились, голые качались в сугробах – была зима и компания была сугубо мужская. Потом, само собой, была выпивка и обычный разговор подвыпивших мужиков. Разумеется, говорили в основном старшие по возрасту, мне было 38, но я не был самым младшим, поскольку единственному среди нас грузину – заму по коммерческой части директора Зестафонского завода ферросплавов – было едва за 30, так, что мы с ним, в основном, слушали. И вот как-то вскользь старшие упомянули об отцах, и грузин, наконец, встрял в разговор со своим рассказом о свежем событии:

«В Москве закрутился в министерстве – то того нет на месте, то этого нет (ну, вы это знаете) – на поезд в Челябинск опаздывал и ничего не успел купить поесть. В купе нас было трое – кроме меня такой простой старик и интеллигент в очках. Поезд тронулся, интеллигент отвернулся к окну, достал бутерброды и начал кушать. Старик посмотрел-посмотрел, открывает сумку, кладет на стол хлеб, сало, соленые огурцы – ну все простое такое – и говорит: «Угощайтесь, сынки!». Я, конечно, достаю бутылку коньяка (не все в министерстве роздал), а интеллигент говорит: «Яне хочу кушать!». Я возмутился: «Как ты можешь обижать человека отказом?! Он тебе хлеб предлагает!» Ну, интеллигент тоже присоединился, я налил в стаканы и говорю: «Давайте выпьем за наших отцов». Выпили, а интеллигент говорит: «А я вот не думаю, чтобы мой сын за меня в поезде с незнакомыми людьми пил». А я его спрашиваю: «А ты сколько раз в поезде с незнакомыми людьми пил за своего отца?»

Удивительная простота этой грузинской мысли, при очевидной ее глубине, меня тогда поразила настолько, что я ее запомнил навсегда. Надо бы на этом и кончить этот рассказ, но прошло несколько лет, началась перестройка, прошли события в Тбилиси и я в министерстве встретил этого своего грузинского коллегу. И было его уже не узнать – ненависть к СССР: «Оккупанты!», – глаза горят: «Свободы! Свободы!!». М-да...

И вы прочтете в воспоминаниях Евгения Яковлевича много хорошего о грузинском радушии и гостеприимстве. Разумеется, сияние славы деда ему сопутствовало там, где Сталина уважали, но, должен сказать, его рассказы мало чем отличаются от рассказов моей жены и ее подруги, которые с детьми ездили отдыхать в Грузию по приглашению их знакомого по работе грузина. Много есть у грузин симпатичных качеств, хотя есть и такие, над которыми и сами грузины смеются, и такие, которые и им самим не нравятся. Как и нам, русским, не нравятся некоторые наши качества.

Теперь о сиянии славы деда над Евгением Яковлевичем.

Сталин при жизни старался с внуками не общаться и у него, думаю, были на это веские резоны. Однако Сталин за внуками следил. Евгений Яковлевич не упоминает в книге, но мне он рассказал, что после войны его, юного суворовца, внезапно вызвали из класса в кабинет начальника суворовского училища и там приехавший из Москвы генерал подробно расспросил его о быте и учебе. Никаких последствий в его жизни это не вызвало, но факт остается фактом.

Разумеется, слава деда время от времени помогала Евгению Яковлевичу в кое-каких бытовых делах, и он об этом пишет. Но я был у него на квартире в Москве в обычном спальном районе – знаете, дело даже не в том, что скромно по части комнат, мебели и нет дорогих украшений, оно и ремонт не мешало бы сделать. Лет 20 назад. Книг много, а остального барахла ни внуку Сталина, ни его семье, судя по всему, было просто не надо. Как и его деду.

Еще момент, который, надо думать, вы заметите. Ведь Евгений Джугашвили было всего 20, когда началась оголтелая кампания клеветы на его деда. Другие внуки не выдержали и поменяли фамилии, сменил фамилию и Серго Берия, хотя уже был прославленным конструктором. А Яков Джугашвили фамилию не менял. Можно представить, сколько косых взглядов «шистедерастов» скрещивалось на нем, сколько он услышал о деде за спиной и в глаза! А есть ли в воспоминаниях хоть одна жалоба на это? Да и вообще, хотя бы на что-нибудь, что касалось бы его лично?

Даже когда начальство, всего лишь ради того, чтобы избавить себя от ответов на тупые доносы идиотов, лишило его перспектив получить звание генерала, он и тогда пишет: «Обид на начальство держать не могу». А почему? Такой он человек – умеющий держать удары судьбы и благодарный всем окружавшим его хорошим людям за то, что они были и есть. И, кстати, описав эту обиду от начальства, тут же радуется, что его друг, все же, стал генералом.

А ведь такое же добродушие было и у его деда, которого со времен Хрущева рисуют кровожадным вурдалаком. Да, обязанности вождя и тяжелейшая обстановка часто требовали

от Сталина принимать жесткие решения, но как человек, Сталин не был ни мстителем, ни кровожаден, особенно в сравнении с другими вождями партии и СССР. Такие вот примеры.

Летом 1928 года в Москве два месяца судили 53 инженера-вредителя Донбасса, которые брали «откаты» с Запада и тормозили увеличение добычи угля «Шахтинское дело»). Четверых оправдали, а 11 человек были приговорены к расстрелу. Сталин настаивал на Политбюро помиловать их всех, но его предложение не прошло, и член Политбюро Бухарин впоследствии хвастался, что это ему, несгибаемому большевику, удалось уговорить остальных членов Политбюро согласиться на расстрел инженеров Донбасса, вопреки мнению слюнтяя Сталина.

Прошло 9 лет, и во время февральско-мартовского Пленума Центрального Комитета ВКП(б) 1937 года для выработки проекта постановления по делу предавших народ и партию членов ЦК Бухарина и Рыкова была создана специальная комиссия, председателем которой стал Микоян, а членами 34 человека, включая и Сталина, как рядового члена этой комиссии. Выслушали доклад о преступлениях Бухарина и Рыкова, и начали голосовать.

Из протокола комиссии следует, что первым выступил Ежов и предложил предать Бухарина и Рыкова суду с применением расстрела, если на суде выяснится, что они виновны. Затем Постышев предложил исключить их из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК ВКП(б) и предать суду, но без применения расстрела. Затем Буденный потребовал суда и расстрела. И вот тут выступил Сталин и предложил исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК ВКП(б), суду не передавать, а всего лишь выслать из Москвы. Интересно, что его поддержали только Ульянова, Крупская, Варейкис, Молотов и Ворошилов. Зато Мануильский, Шверник, Косарев и Якир упорно продолжали настаивать на суде с расстрелом, и Постышев, Шкирятов, Антипов, Хрущев, Николаева, Косиор, Петровский и Литвинов тоже требовали суда, хотя и без расстрела. В результате предложение Сталина не прошло, а прошло компромиссное предложение суду пока не предавать, направить дела Бухарина и Рыкова НКВД для дальнейшего расследования.

Закончу на этом.

Конечно, предположение, что Сталин, отказавшись быть вождем народа, остался бы тем, кого мы считаем простым человеком, само по себе глупое. Не буду отрицать – глупое!

Но ведь интересно.

Часть I Взгляд на людей

Глава 1 О себе

Знакомство родителей

Город Урюпинск – бывшая станица донского казачества, расположен на левом берегу реки Хопер Сталинградской области (сегодня Волгоградской). На Майской улице под номером 27 стоял дом. Он выделялся своим мезонином – надстройкой. Говорили, что до революции в нем жил богатый купец. После революции в доме поселились три семьи: Голышевы, Аллилуевы и Лапаевы. Семью Голышевых возглавлял рабочий металлургического завода Павел Антонович со своей женой Екатериной Алексеевной. П.А. Голышев – русский, приехал из Воронежа. Екатерина потомственная казачка с девичьей фамилией Лукьяновская. Они имели четырех дочерей: Александру, Надежду, Ольгу и Веру. В другой части дома проживала семья Аллилуевых – родственников жены И.В. Сталина Надежды Сергеевны. Семью Аллилуевых представлял Михаил Яковлевич и его жена Матрена Федоровна. У них было пятеро детей: Клавдия, Георгий, Александра, Нина и Серафима. Нина жила с родителями и растила двух дочерей Августу и Конкордию.

После окончания школы Ольга Гольшева, 1909 года, и ее подруга по дому Августа Аллилуева, 1911 года рождения, поехали в Москву учиться. Ольга поступила в Московский авиационный техникум, а Августа уехала к своим родственникам в Ленинград, где поступила в институт. Ольга Гольшева стала жить в Москве у своей тети – сестры мамы – Лукьяновской Агафьи Алексеевны на Большой Полянке, дом № 54. Августа приезжала в Москву и гостила на квартире своих родственников, где бывал Яша Джугашвили. В обществе подруг и оказался сын Сталина.

Судьба

До знакомства с Ольгой Гольшевой у Якова с отцом произошел острый конфликт. История состоит в том, что Сталин забрал своего сына из Грузии в Москву только в 1921 году в возрасте 14 лет. Все время Яша проживал с родителями умершей в 1907 году мамы – Екатерины Сванидзе. Семья жила в селении Баджи Амбролаурского района – высокогорный район Грузии под названием «Рача». В школе Яша испытывал трудности с русским языком, учился неважно, что раздражало отца. После окончания школы Яша вдруг заявил, что он и одноклассница Зоя Матвиенко решили пожениться.

«Отец, – пишет С. Аллилуева в книге «Двадцать писем другу», – не желал слышать о браке. На кухне произошел грубый разговор отца с Яшей. Ночью в своей комнате Яша предпринял попытку застрелиться. Он стрелял в сердце. Пуля прошла навылет, но он остался жив, хотя долго болел. Отец стал относиться к нему за это еще хуже» (Аллилуева С.И. «Двадцать писем к другу!». М., Совместное предприятие «Внешиберика», с. 97, 148–154). После лечения Яша все-таки женился на Зое, и они уехали в Ленинград к деду Сергею Яковлевичу Аллилуеву. Там Яков устроился работать на теплоэлектростанции (ТЭЦ) техником-смотрителем. Вскоре родилась дочь и внезапно умерла. Брак распался. Яков возвращается к отцу и поступает в Московский институт инженеров транспорта (МНИТ).

Возможно, мама слышала об этой истории, ибо, когда она забеременела, то решила сделать аборт, поскольку не рассчитывала на серьезные отношения с Яковым. Младшая ее сестра Вера Павловна отговорила ее, и Ольга поехала в Урюпинск к маме. Моя тетя Вера при случае иногда нет-нет да и скажет мне, что благодаря ей я появился на свет. Родился я 12 января 1936 года. Мама записала меня на свою фамилию – Гольшев Женя. Ее отец, Павел Антонович – воронежский рабочий высказался по этому поводу: «Гольшев тоже неплохая фамилия». Не сообщить грузину Якову, который, как все мужчины, мечтал о сыне, Ольга не могла. Яков приезжает в Урюпинск, в ЗАГСе меняет мою фамилию на свою и начинает высылать небольшие деньги. То, что мама получала переводы из Москвы, не отрицает даже моя сестра Галина, о чем я скажу несколько позже.

Ю.И. Мельцер

Однако молодость есть молодость, и она берет свое. А» красота, – говорила Ф. Раневская в фильме «Весна», – это страшная сила». Яков Джугашвили встретил в секретариате одного чиновника прехорошенькую Юлию Бессараб и влюбился. Юля (Юдифь Мельцер) со своим семейством проживала в Одессе. В Москве она оказалась после очередного замужества за чиновником Н.П. Бессарабом, работавшим в системе Министерства внутренних дел (МВД).

Галина в книге «Тайна семьи вождя» рассказывает, что ее мама в Одессе работала танцовщицей кабаре. Она пишет: «Ма (так она называла свою маму) после первого замужества сбежала из дома и начала «балетную жизнь»... (Джугашвили Г.Я. Тайна семьи вождя. Издат. «Зебра», 2007. С. 34–39).

«Ее приняли в одну из групп «левого течения». Группа летала по всей Украине. Жизнь на колесах с остановками в бывших особняках, переделанных в общежития, жизнь молодая, свободная от ига борьбы с начальством и забот о конъюнктуре, полная того, что сейчас называют «творческим подъемом» и веселой работой, взрывалась криками «бис», сияла огнями рампы... Зал гудел, Ма вылетала на сцену в, по современному говоря, мини, усыпанном зеркальными осколками (в них били разноцветные лучи прожекторов), одна нога в черном чулке, другая – без. Даешь Европу!» Однако знакомство своих родителей Галина описывает в романтической обстановке. В своей книге она пишет: «Знаменитое событие, без которого я не могла бы появиться на свет, произошло вскоре после переезда Бессараба и Ма в Москву». Она была в Большом театре с Анной Сергеевной Аллилуевой и обратила внимание на молодого человека, с которым та поздоровалась: «Ой, какой интересный молодой человек, – сказала Ма Анне Сергеевне, – познакомь же меня с ним». Знакомство состоялось и, как она пишет, «папа выкинул белый флаг». Другими словами Яша моментально влюбился и Юля, бросив мужа Бессараба, вышла замуж за сына Сталина. Далее забавно она описывает встречу молодых с И.В. Сталиным. «Когда поехали в Зубалово знакомиться с дедом, Ма была совершенно спокойна... Ма оказалась права. Все прошло отлично. «Старик» без конца шутил, кормил Ма с вилки, и первый тост поднял в ее честь»...

Прервусь и задам вопрос, который я задал Светлане Аллилуевой после ее возвращения из-за рубежа: «Видел ли вообще Сталин новую жену своего опального сына?» Дело в том, что Ю.Г. Мурин в книге «Иосиф Сталин в объятиях семьи» поместил записи дневника жены Алеши Сванидзе – М.А. Сванидзе: «28-го были «тетушки» в Кремле на рождении Светочки... Впервые был Яша с женой. «И» (сокращенное имя «Иосиф») не пришел, по-моему, умышленно. Он отодвигал это удовольствие познакомиться с новой невесткой. И впрямь радости мало. Она хорошенькая, старше Яши, он у нее 5-й муж, не считая иных прочих, разведенная особа, неумная, малокультурная, поймала Яшу... и к тому же Юля – какая-то авантюристка». (Сборник документов «Иосиф Сталин в объятиях семьи». Сост. Мурин. М., Родина, 1993 г.). «Да, – ответила Светлана Иосифовна, – была одна встреча, и то по просьбе самого Яши. Юля была в положении, и она сложенной газетой прикрывала живот».

Анализ ДНК

Теперь о денежных переводах. Как утверждает Галина, деньги в Урюпинск отправляла ее мать. В «Аргументах и фактах» № 44, 1999 г. она говорила журналисту: «Мама мне рассказала, что когда она узнала, что ребенок от папы, то очень опасалась, что эта история дойдет до свекра, и решила этой женщине помочь. Она стала посылать ей деньги на ребенка... Вероятно, эти почтовые переводы от мамы и были расценены ЗАГСом как алименты. Так Евгений и получил нашу фамилию». На возражение журналиста, что в эту историю трудно поверить. Она заявила: «Я ничего не берусь утверждать, но наше родство очень просто можно подтвердить или опровергнуть. Достаточно сдать анализ на ДНК. Но, думаю, вряд ли Евгений на это согласится».

А я согласился и в той же газете буквально в следующем номере № 47, 1999 г. (специально приехал в редакцию) было опубликовано мое заявление. В нем я написал, что моя сестра Галина Джугашвили настаивает на протяжении многих лет провести анализ моего ДНК. Так как она является заинтересованной стороной, то она и должна организовать и оплатить эту процедуру. Мне лично этот анализ не нужен. Прошла неделя, другая, месяц, второй и так далее, но заинтересованная сторона потеряла видимо всякий интерес и хранила молчание.

Когда мне исполнилось два года, мама повезла меня в Москву показать Якову. По телефону она попала на его жену Юлию Исааковну, которая предложила отдать сына. Светлана

Аллилуева подтверждает: «Да, был такой разговор». Мама испугалась, что меня могут передать в приют под другой фамилией и срочно увезла меня обратно в Урюпинск. А на горизонте маячила война.

Детство

Самые первые детские воспоминания касаются военного времени. Вначале на войну ушел дядя Гордей – муж тети Нади. Гордей Андреевич Литвинов был председателем Урюпинского ОСОАВИАХИМА (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Затем на фронт ушла и мама. В доме остались бабушка Екатерина Алексеевна, ее дочь Надежда с сыном Виталием и я.

Хорошо помню проходящие ночью танки. Земля тряслась под ногами. Глубокую колею в снегу освещали их фары. Иногда в ночном небе был слышен гул моторов самолетов. По утрам тетя Надя включала черный круглый репродуктор, из которого исходили строгие слова: «От советского Информбюро. После упорных и ожесточенных боев наши войска оставили...» Далее тетя Надя выключала радио и с глубоким вздохом уходила что-то готовить.

Летом мой день начинался как всегда с приходом моего друга по дому Жени Лапаева, по прозвищу «башкир». Я слышал, как он громко спрашивал тетю Надю: «Таток дома?» – «Куда так, ни свет, ни заря, – ворчала та, подметая, как обычно, по утрам крыльцо, – спит еще твой Таток». Меня Татой прозвала мама, потому что, играя в войну, я «строчил из пулемета»: та-та-та. Пока я спал, тетя Надя успевала сходить на базар и сунуть мне под подушку фрукты – яблоки, сливы, и это при том, что у нас, у жильцов этого дома, был свой собственный фруктовый сад. Так, например, у Лапаевых (у башкира) были две яблони, у Аллилуевых одно грушевое дерево. Было, правда, и второе дерево, но оно было очень молодое и не плодоносило. У нас, на территории нашего сада, сохранилось три груши и одна небольшая китайская яблоня. Какой-никакой, а все-таки свой сад. У некоторых вообще ничего не было. Двор был разделен на три огородных участка, где и росли эти деревья.

Окна квартиры Аллилуевых выходили прямо на территорию своего огорода, где росли их две груши. Матрена Федоровна (Федриха) постоянно сидела у окна, как на посту, и зорко охраняла территорию: «Мышь не проскочит!» Наши окна выходили на улицу и в переулок. Поэтому с охраной нам приходилось сложнее, нет-нет, да и залезет кто-нибудь на наши груши.

На реке Хопер

Река протекала в полутора километрах от дома. Дорога к Хопру проходила вдоль огородов, окаймленных около дороги высокой кукурузой с подсолнухами. Проходя мимо кукурузы, гонялись за саранчой и ловили ее уже внутри участков, засаженных картошкой. Издали виднелся дубовый лес на противоположном берегу Хопра.

Пляж из белого песка открывался сразу после небольших холмов, поросших кустарником. Плавать меня научил двоюродный старший брат Виталий. Но переплыть Хопер самостоятельно я боялся. Тетя Надя каждый раз предупреждала: «Женя, не заплывай далеко, Хопер наквасишь!» Виталек (так я его называл) помог – он плыл рядом, а я махал руками, пока не стукнулся головой о крутой илистый берег. На этом берегу были свои развлечения. Пацаны, например, выламывали в лесу палки, из ила делали колбаску на конце, и с размаху насадка со свистом летела на пляж. Глухо ударяясь в песок, она превращалась в черную лепешку. Обстрел велся по принципу «на кого Бог пошлет».

Виталий приобщил меня к рыбалке. Готовились накануне: проверяли снасти, червей копали у соседей, имевших корову. Ключи от лодки и весла также брали у соседей. Уходили утром рань. Виталий нес весла, я – удочки. В заливе Быково (рукав реки Хопер) находились лодки, прикованные к огромному лежащему бревну. Когда лодка в полной тишине пробиралась по заросшей протоке, было слышно, как по дну лодки скрежетала трава. Но с выходом ее на чистую воду скрежет прекращался и тишину нарушал только скрип уключин. Из Быковского залива через узкий пролив мы попадали на «большую» воду Хопра.

По моему желанию Виталий высаживал меня на берег, а сам на лодке искал подходящее место на середине реки. Бросал якорь (камень на веревке), закуривал и начинал ловить. Тишину нарушал плеск пойманной рыбы. В это время я тоже ловил удочкой, но стоя по колено в воде. Изредка переговариваясь с Виталиком, я медленно переходил от куста к новой заводи. Мой улов не шел ни в какое сравнение с уловом брата. Но зато, с каким восторгом я подсекал хотя бы тех же полосатых окуньков или пескарей.

В районе Урюпинска Хопер делает несколько поворотов. С внешней стороны изгиба он имеет высокий илистый обрывистый берег. С внутренней, наоборот, пологий с белым песком. По мере удаления от города по реке рыбаки пользовались понятиями «первые пески», «вторые пески». Наш пляж с белым песком был безымянный. А вот где мы ловили рыбу, выйдя из Быковского залива, то это было в районе первых песков. Здесь, вдали от города, в крутом берегу гнездилась целая колония стрижей или ласточек в своих многочисленных норках.

Ближе к вечеру бабушка часто вырывала меня из компании моих товарищей, и мы шли на дальний огород в Быково. Там была заливная земля. Внизу у самой воды она растила помидоры, а повыше был посажен картофель, еще выше – кукуруза. По всему участку в разных местах стояли, наклоняясь, подсолнухи. Ведром я таскал воду из залива, а она поливала и все нахваливала меня: «Вот какой ты у меня молодец! Сама-то я не справилась бы!» В ответ я старался еще больше. Мне не забыть запах той ботвы помидоров, ласковое прикосновение ростков кукурузы. Шершавые листья подсолнухов. Полив помидоры, бабушка кое-где подливала воды в других местах. К вечеру уставшие мы возвращались домой. Солнце уже село за «Меловые горы». Поднимая пыль, возвращалось стадо. Пахло молоком, хотелось спать.

Вот так встреча!

Урюпинские пацаны, которые жили на нашей улице, летом особенно после дождя, катали по лужам обручи от колес грузовых машин. Мастерские по обслуживанию транспорта назывались «автоколоннами» и располагались поблизости. Использовались и диски меньшего размера с зубчиками внутри. Из железного прута изготовлялся поводок с фигурной выемкой на конце, с помощью которого можно было управлять движением колеса. Катание обручей и дисков сопровождалось пронзительным звоном колес и криками пацанов: «Поберегись, Петлюра!»

В конце зимы 1942 года я простудился и схватил воспаление легких. Несколько дней, говорят, не спадала температура 41. Я помню только как Виталек, согнувшись над градусником, плакал, а тетя Надя мыла полы. Готовились к самому худшему. На фронт была послана телеграмма. Но мама лежала в госпитале после ранения. Только после выздоровления, летом она получила краткосрочный отпуск. «С замиранием сердца, – рассказывала она, – я сошла с поезда и пошла в сторону нашей улицы. Страшные мысли не выходили из головы, поскольку от Надежды не было никаких сообщений». Нетерпение заставило маму спрашивать у прохожих на Майской улице. Первая женщина сказала, что ничего о похоронах мальчика не слышала. Вторая быстро отошла в сторону. «Если умер, – думала мама, – разрою и погляжу». Вдруг она услышала шум и крики детей, катавших по улице свои обручи. Среди них она

увидела меня... Через несколько дней она вновь уехала на фронт. Мама была старшиной медицинской службы.

Суворовское военное училище

21 августа 1943 года Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет партии постановил создать Суворовские и Нахимовские военные училища. Суворовских училищ было создано девять. В каждом училище находилось 500 воспитанников. В постановлении говорилось: «Для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов». Перед училищами ставилась задача подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании. Это постановление спасло многих беспризорных детей, отцы которых погибли на фронте (Журнал «Огонек» № 36, сентябрь 1983 г.).

Летом 1945 года с фронта вернулась мама и забрала меня в Москву. Из Урюпинска до пересадочной станции Алексиково ехали на знаменитом в тех местах паровозе. За тихий ход и остановки в степи его прозвали «колдуном». Остановится и стоит – колдует ехать или стоять. Потом как дернется без всякого предупреждения. Приходилось все 2–3 часа (30-тикилометровый отрезок пути) держать свои вещи и всю дорогу быть начеку. В Москве стали жить у сестры бабушки – Лукьяновской Агафьи Алексеевны на улице Большая Полянка. Мама поступила на работу в штаб ВВС МВО инкассатором. Я продолжил учебу в средней школе № 557. После третьего класса мама приняла решение отдать меня в Суворовское Военное Училище.

Ближайшее Суворовское училище находилось в городе Калинин (сейчас Тверь). В училище, когда оформление закончили, офицер-воспитатель повел меня к моим новым товарищам. Покидая комнату, где сидела мама, я увидел, как она заплакала. Больше в этот день я ее не видел. В 10 лет началась новая жизнь – военная.

Набор 1947 года оказался небольшим, всего человек 40. Среди нас оказались дети из Югославии. Однако они вскоре уехали на свою Родину. Суворовец имел летнюю и зимнюю форму одежды, трехразовое питание, по пятницам баня и замена постельного белья. Полная школьная программа, изучение иностранного языка, обучение бальным танцам. Работали всевозможные кружки, спортивные секции, поощрялась художественная самодеятельность. Училище имело свою конюшню, тир и стадион. Полагался бесплатный железнодорожный билет во время отпуска на каникулы. В отличие от других училищ Калининское и Тульское участвовали в парадах на Красной площади в Москве.

К зимним каникулам начинали готовиться заранее. «Чемоданное настроение» захватывало нас недели за две до отъезда. В Москве мама приобщал меня в основном к Большому театру. За годы учебы в училище я ознакомился практически со всем репертуаром театра. Балет мне нравился больше чем опера.

Капитан Абоносимов

Офицером-воспитателем нашего отделения длительное время был капитан А. Абоносимов. Не имея семьи, он подолгу оставался в училище, иногда даже после отбоя. Наши, часто рискованные, проделки доставляли ему массу хлопот и переживаний.

Например, когда весной вскрывалась Волга, мы были на берегу и прыгали по льдинам. Летом напротив стадиона останавливался караван связанных бревен, готовых к лесосплаву. Как не побегать по этим бревнам. Да мало ли где мы могли свернуть себе шею. А отвечать обязан офицер-воспитатель. Боролся Абоносимов и с самоволками.

Однажды в городе он заметил Ивана Климовича в гражданской одежде – самоволка! Тот развернулся и дал деру, но и капитан Абоносимов прибавил шагу. Климович вскочил в проходящий мимо трамвай и на его подножке скрылся. В училище он быстро переоделся и сел в классе. Прямо с порога дверей преследователь заявил: «Климович, Вы были в самоволке, я видел Вас!» – «Никак нет, товарищ капитан, – бодро ответил Климович, – Вы ошиблись». После длительного препирательства, уже смущенный воспитатель нагнулся к наглецу и товарищеским тоном почти шепотом тихо спросил: «Ваня, это же был ты?» Размякший после такого обращения Климович тихо ответил: «Так точно, товарищ капитан». Абоносимов тут же резко выпрямился и командирским голосом громко скомандовал: «Трое суток ареста! За самовольный уход из расположения части».

В сентябре 1983 года журнал «Огонек» к 40-летию создания суворовских и нахимовских училищ провел «круглый стол», я был приглашен и тоже выступил. Журналист Борис Сопельняк в 36-м номере «Огонька» поместил и мое выступление. Я говорил о моем воспитателе капитане Абоносимове. В это время Анатолий Александрович проживал в Пензе и там ему показали журнал. Он прислал мне трогательное письмо и благодарность за добрую память о нем. Жил он опять один. Но вскоре умер. У меня осталась книга «Краткая биография Сталина», которую он вручил мне в училище перед уходом. «Воспитаннику Джугашвили Евгению. Прочитай эту книгу о гениальном человеке всех времен и будь похож во всем на него. Капитан А. Абоносимов, г. Калинин, 22 апреля 1949 года».

Спасибо за все, дорогой Анатолий Александрович.

На Красной Площади

В 1952 году я был включен в состав батальона «парадного расчета». Радость оказалась преждевременной. Дело в том, что из-за моего роста в 1 м 68 см мое место оказалось в последней, десятой шеренге, а в самой шеренге я был по счету 20-м, замыкающим. Мне казалось, что более позорного места не бывает. Сама 10-я шеренга страдала больше всех. Так, на тренировках руководитель по микрофону с трибуны в конце занятий говорил: «Первые 9 шеренг отдыхают, а десятая пройдет еще разок!» Только после 2–3-х проходов с трибуны слышалось: «Вот теперь другое дело!» На завтрак ежедневно нам выдавали по плитке шоколада. На Красной площади метров за 100 до Мавзолея раздавалась команда «Раз!» и через шаг все хором: «И два!» Все головы кроме правофланговых поворачиваются направо. В этот момент руки хватают соседа. Правой рукой хватаю соседа справа, а левая остается прижатой к бедру или как говорится «по швам». Когда батальон поравнялся с Мавзолеем, я увидел Сталина. Таким образом, деда своего я впервые увидел на трибуне Мавзолея во время парада в мае 1952 года.

Смерть И.В. Сталина

6 марта 1953 ода в училище утром, как обычно, горнист на первом этаже сыграл команду «Подъем» Встали, оделись, вышли в коридор, кое-как построились. Дежурный офицер (по-моему, это был майор Токарев) скомандовал: «Напра-во!» Однако тут же громко сказал: «Отставить!» «Опять что-то забыл», – подумали мы. «Товарищи воспитанники, – начал он тихим волнующим голосом, – вчера, 5-го марта, – как только прозвучали эти слова, наступила абсолютная тишина, – в 9 часов пятьдесят минут вечера скончался Иосиф Виссарионович Сталин». А абсолютной тишине он тихо, почти шепотом скомандовал: «Направо, шагом марш». Когда спускались по лестнице, у меня непрерывно катились слезы. Конечно, никто на зарядке ничего не делал. Просто постояли на морозе минут десять и вернулись.

После завтрака все училище собралось в клубе. Занятия были отменены, разговоры велись вполголоса. Все понимали, что произошло невероятное событие. Собрались в клубе. На сцену вышли Начальник училища генерал-майор Нерченко и начальник учебного отдела полковник П. Прянишников. Открывая траурный митинг, Нерченко сказал: «Закатилось наше солнышко», – и заплакал. Рядом со мной сидел сын Василия Сталина – Саша. Он несколько месяцев тому назад прибыл в училище под фамилией Васильев. После прибытия у нас установились самые дружеские отношения. Такие, какие обычно бывают между старшими и младшими братьями – я был в выпускном седьмом классе, он в первом. Он часто поджидал меня при выходе из столовой. После траурного собрания Саша вдруг исчез. Видимо кто-то приезжал от Василия Сталина и забрал его в Москву на похороны. Я добирался до Москвы самостоятельно. Поезда не ходили и мне посоветовали обратиться к руководству военного аэродрома «Мигалово». Получив удостоверение личности, я отправился на аэродром. Начальник «Мигалово» полковник Юспин, узнав, кто я и что прошу, возмутился: «Одного внука отправил, теперь пришел второй». Посадили меня в десантный самолет Ли-2. Летели на очень малой высоте порядка 300 метров. Экипаж дал мне тулуп, поскольку в салоне, где были только металлические сиденья, стоял жуткий холод. Сели в Москве на аэродроме «Быково». Домой доставили меня в сопровождении офицера. Мой дядя – муж сестры мамы Виктор Васильевич Рахманов в то время работал в КГБ в чине полковника. Используя свое удостоверение и мой отпускной билет из суворовского училища, он провел меня через все кордоны прямо в Колонный зал Дома Союзов, где для прощания лежал И.В. Сталин. Таким образом, я увидел второй раз своего деда, но уже в гробу.

Дядя Вася и дядя Виктор

28 марта через три недели после похорон арестовали Василия Сталина: «за антисоветскую агитацию, пропаганду и злоупотребление служебным положением». Затем его осудили на 8 лет тюремного заключения и отправили во Владимирский централ. Об аресте Василия я узнал по приезду в Москву после окончания Суворовского военного училища и с каким-то злорадством воспринял эту новость. Дело в том, что во мне все еще кипела обида за мартовские мытарства. Во-первых, он забрал из училища только своего сына, а сына своего брата бросил. Мне пришлось самому пробираться в закрытый город и, как потом оказалось, к гробу. Встала проблема – как теперь попасть в Колонный зал. Что творилось в Москве даже представить себе трудно. Мама предложила все-таки поехать к Василию.

В особняке на Гоголевском бульваре сначала уточнили, кто хочет видеть хозяина, затем провели на второй этаж в «детскую», где я с радостью увидел своего брата-суворовца Сашу и его младшую сестренку Надюшу. Целых три часа просидели мы в этой крохотной комнатке, но хозяин так и не появился. Волновались все трое. «На разведку» иногда выходил Саша, но каждый раз, возвращаясь, он как бы извиняясь, сочувственно говорил: «Пока не приехал». В обед нас пригласили спуститься в столовую. Мне запомнился очень вкусный рассольник с почками. В кинозале показали фрагменты со Сталиным, после чего нас вновь отправили в «детскую». После очередной разведки Саша вернулся со словами: «Отец уехал». Я понял, что все это время Василий находился в доме, но не захотел меня видеть.

Дядя Виктор предложил самостоятельно преодолеть кордоны, что мы и сделали. У входа в Колонный зал нас поставили в общую очередь. У гроба, чуть в стороне, мой дядя заметил стулья и несколько сидящих людей. Я ничего не замечал кроме лица Сталина. «Не хочешь, – спросил тихо дядя Виктор, – туда... к ним?» «Нет», – ответил я, и мы покинули зал. После ареста Василия дети стали жить с мамой Галиной Бурдонской у ее матери Анастасии Терентьевны. Иногда они приезжали к нам на 2-ю Песчаную «поболтать». Галина Александровна Василия называла Васькой, а Саша мою тетю Веру Павловну – тетечкой

Верочкой. Иногда забегала Надя поделиться секретами. За разговором с подругой я сфотографировал ее (смотри фото). Вскоре Галина Александровна получила двухкомнатную квартиру на Новослободской. Саша навещал отца и однажды привез для меня его подарок – изготовленный им на токарном станке значок. Смысл подарка Саша не сказал. Мне он напоминает розочку на Бахчисарайском фонтане, откуда вытекает вода, а затем по капле падает в сосуды. За звуки этих капель А.С.Пушкин это сооружение назвал «Фонтаном печали». Что хотел сказать Василий этим значком, Саша не знал. Такой же значок он закрепил на отвороте своего пиджака. Свой я храню в коробке с документами (смотри фото).

Персональная пенсия

В декабре 1953 года маму вызвали в Совет Министров и вручили ей распоряжение Совета Министров СССР от 14 ноября 1953 года: «Назначить с 1 ноября 1953 года внуку И.В. Сталина – Джугашвили Евгению Яковлевичу, 1936 года рождения, персональную пенсию в размере 1000 рублей в месяц до окончания им высшего учебного заведения. Председатель Совета Министров Союза ССР Г. Маленков». Насколько мне было известно, такую же пенсию назначили и другим внукам. Пенсию получала мама. После ее кончины в 1957 году книжку оформили на меня.

Суворовский период закончился 21 июня 1954 года получением Аттестата об окончании Калининского Суворовского военного училища. Оценки в основном были «хорошо», «отлично» – только пять. Троек не было. Выпускал наш курс новый начальник училища генерал-майор И.Долгов. Первое время мы, суворовцы, собирались в ресторанах, пели песни о Сталине. Особенно любили мы «Марш артиллеристов», где был припев: «Артиллеристы, Сталин дал приказ...». Однако в годы хрущевской «оттепели» среди нас, воспитанников суворовских училищ, появились «умники», которые быстро перестроились и, забыв свое сиротское начало, тоже стали кидать камни в своего спасителя.

Путевка в Грузию

В первый раз в Грузию я поехал «дикарем» в 1955 году. Такую вольность мне позволила мама (а что ей оставалось делать), поскольку я был уже слушателем первого курса Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского. В академию я был принят без вступительных экзаменов. Маме сказали, что на ее обращение по поводу моего дальнейшего образования Министр обороны Н.А. Булганин написал: «Приветствую первого внука Сталина, который хочет учиться».

Поездом доехал я до самого Батуми. Встретил меня знакомый по Москве тоже студент Эднан Чичинадзе. Об этом эпизоде жизни в Батуми я скажу в разделе «Аджария». А вот в 1956 году мама достала путевку в санаторий имени Челюскинцев в город Гагра.

Санаторий находился на берегу моря. Приехал, а места в санатории не оказалось. Разместили в кабинете Главврача, который позвонил в райком партии: «Приехал какой-то Джугашвили, живет в моем кабинете на диване». Нагрянувшие люди прямо в кабинете устроили допрос: кто я и откуда, почему не предупредили о приезде. Перевели в номер, а в столовой посадили за другой стол к грузинам.

Я все время «пропадал» на пляже. Иногда ездил в городской парк. Но особенно запомнилась экскурсия наzero Рида. Дело в том, что в санатории отдыхала группа артистов Театра оперы и балета имени Захария Палиашвили из Тбилиси. Среди них была ведущая солистка Медея Амиранашвили. Ее муж Отари организовал поездку на озеро Рица на грузовой машине. На базаре они закупили все необходимое и пригласили меня «прокатиться с ветерком».

Медю посадили в кабину, а мы, человек шесть, забрались в кузов. Вот так, стоя и держась за кабину, мы лихо доехали. На фоне озера разожгли костер и приготовили шашлыки. Пили вино, пели песни, фотографировались, вернулись поздно ночью.

Деловые встречи, или «Кто ты, Евгений Джугашвили?»

Примерно через неделю меня повезли поужинать с партийными работниками из Тбилиси, они отдыхали в правительственных дачах. Потом я узнал, это были: начальник КГБ Грузии А.Н. Инаури, министр сельского хозяйства Ш.И. Чануквадзе, второй секретарь города Гори Р. А. Бзишвили, директор Института переливания крови Ш.В. Эгнаташвили и другие товарищи, которых я не запомнил. Тамадой избрали Ш.И. Чануквадзе. Входе застолья их интересовало: от какого я сына, где живу в Москве, где учусь, что я знаю о судьбе Василия, сколько у него детей и у Светланы, общался ли со Сталиным и т. д. Отвечал то, что знал, а о Сталине сказал, что видел его только на параде как участник в батальоне Калининского Суворовского военного училища.

После ужина или скорее после перекрестного допроса уважаемые чиновники оставили меня в покое. Но, забегаю вперед, скажу, что эта встреча определила дальнейшее мое пребывание в Грузии.

В санатории познакомили меня с человеком, который воспринял смерть Сталина как личное горе настолько сильно, что был, как бы, не в себе. Ко всему был равнодушен. Врачи попросили меня пообщаться с ним. Они считали, что общение со мной поможет ему. Невероятно, но Наскид Партенович Датуашвили действительно пришел в себя и не отходил от меня. Он тоже «воспитывал», рассказывая о Кахетии. «Абхазия, – говорил он, – это еще не Грузия. Настоящая Грузия – это Кахетия. Евгений, тебе обязательно надо съездить в Кахетию». В Москву он на каждый Новый год присылал в посылке с десяток палочек чурчхелы, твердые сладкие груши, грецкие орехи, чеснок, сохраненный в опилках виноград и бутылку грузинской водки «Чачи». Жена его умерла. Он один воспитывал сына Паату. Окончив школу, Паата приехал с отцом в Тбилиси. Я поддержал желание сына стать военным. Паата сдал вступительные экзамены и поступил в Тбилисское артиллерийское училище. Окончил с отличием. В Афганистане Паата получил генерала. В независимой Грузии был заместителем Министра Обороны Каркаршвили.

В дальнейшем судьба Пааты Датуашвили оказалась трагичной. Его и Каркаршвили направили учиться в Россию в Академию Генерального штаба. При выходе из общежития он был убит, а Каркаршвили тяжело ранен. Хоронили Паату в Тбилиси. Рядом с гробом сидел убитый горем мой старый друг Наскид Партенович. Он рад был увидеть меня. Рядом с гробом, ничего не понимая, играли двое его внуков. Я подумал: «Может быть, зря я помогал Паате стать военным. Стал бы виноделом в своей Кахетии и остался бы жив».

Поездка в г. Гори

Особый интерес ко мне проявил Ш.В. Эгнаташвили. Он предложил мне поехать в Тбилиси – в столицу Грузии. До конца путевки оставалось десять дней. Мне было жаль терять столько драгоценных дней на море, ради которого я приехал. К тому же была образована молодежная кампания из отдыхающих парней и девушек. Однако Шота Васильевич торопил. Принимая решение, я подумал: «А куда это меня несет? С незнакомыми людьми в незнакомую страну, пусть даже родину Сталина». Словом, была не была. К вечеру приехали в Тбилиси, остановились на даче Эгнаташвили в Цхнети (поселок над городом).

Из Тбилиси поехали в Гори к родственникам Эгнаташвили в семью Джабаури и Коринтели. Первый секретарь Гори Зураб Ильич Тавзаршвили предложил мне посмотреть

асфальтирование нового моста через железнодорожные пути. Вечером он пригласил на спектакль в Горийский драматический театр. Наша компания разместилась в ложе на балконе. Спектакль шел на грузинском языке. Мне пытались переводить, но постоянные взрывы хохота зала отвлекали переводчика и я попросил бросить эту затею. После зашли к артистам за кулисы. Вначале они пожаловались, что наша компания отнимает у них зрителей – все смотрят на балкон. Затем спросили, понравился ли мне спектакль. «Очень понравился», – с благодарностью ответил я.

Наутро составили план. Отари Коринтели со своими близкими повез меня осматривать уникальный исторический памятник Грузии – древнейшую крепость – город Уплисцихе. Крепость располагалась в 12 км от Гори. Это был пещерный город. Его название дословно переводится «Божья крепость». Город возник в конце II – начале I тысячелетия до н. э. Уплисцихе выделяется из всех памятников седой старины не только своей древностью и пещерами, высеченными в скале, но и большим тоннелем, пробитым до реки Куры. Правда, выйдя из города-крепости по этому тоннелю, я не обнаружил реки. За минувшие годы река далеко ушла от крепости. Вместе с Отари я побывал в Атенском ущелье. Здесь растет виноград, из которого изготавливают вино «Атенури». На винном заводе мне дали его попробовать на вкус. Оно чем-то напоминало наше «Советское шампанское». Говорят, в свое время возили его и к Сталину. В Москву улетал с невероятными воспоминаниями о пребывании в Грузии, провожал меня на аэродроме Тбилиси Отари Коринтели.

Кто с нетерпением ожидал в Москве моего приезда, так это мама. Первый ее вопрос: «Как тебя приняли?». Мой восторг и рассказы о моих приключениях она слушала с каким-то облегчением. Она поняла, что теперь меня от Грузии не оторвать. Умерла мама от рака в сентябре 1957 года. Меня вызвали с лекции. Поехал в Боткинскую больницу, она еще была жива. У ее постели сидел мой брат Виталий, который приехал из Урюпинска. При нас мама вскоре скончалась. Она прожила всего 48 лет. Похоронили маму на Головинском кладбище, отпевали ее в церкви «Всех Святых» на Соколе.

Встреча с сестрой

В октябре Анна Сергеевна Аллилуева – родная сестра жены Сталина Надежды пригласила меня домой в «Дом правительства» на улице Серафимовича № 2. Расспрашивала о маме, о ее болезни, где ее похоронили. Сказала, что встречалась с мамой, подарила мне книгу своего отца Сергея Яковлевича Аллилуева «Пройденный путь» с надписью:

«14 октября 1957 года, Москва»

Дарю на память Жене Джугашвили, сыну Яши Джугашвили-Сталина, книгу воспоминаний моего отца Сергея Яковлевича Аллилуева «Пройденный путь». Сергей Яковлевич Аллилуев любил Яшу, жил с ним в Петербурге, а также за городом в Зубалове. О его сыне – Жене он знал через Яшу и Эгнаташвили Александра Яковлевича. А также и я, Анна – его дочь, знала о Жене через Урюпинских родственников Аллилуевых: Матрену Федоровну Аллилуеву, Августу Михайловну Дутову-Аллилуеву, Майю – ее дочь и Ирину – дочь Серафима Аллилуева. Через Васиных детей – Сашу и Надю.

В данный момент я познакомилась с ним по печальной причине, по случаю смерти его матери, с которой я виделась при жизни несколько раз. Скорблю ее безвременной смерти. С соболезнованием к ее сыну Жене. Яша также говорил, что у него есть сын в городе Урюпинске. Желаю ему удачи в жизни, счастливой благородной деятельности, а также хорошей семейной жизни, чего, к сожалению, не имела его мать. Анна. 14.X.1957 г.»

Сама Анна Сергеевна прожила еще семь лет. Умерла она в загородной Кремлевской больнице в августе 1964 года. Гроб для прощания выставили в красном уголке «Дома правительства». Я пришел вместе с Сашей. Собралось не более 15–20 человек. Мы с Сашей постояли у гроба в почетном карауле. Затем меня позвала Светлана Иосифовна, она сидела на стуле среди близких. Рядом с ней находилась, как я догадался, Галина. «Вот, Женя, познакомься, – сказала Светлана, показывая на свою соседку, – это твоя сестра». Галина отвернулась. Я вспомнил поговорку начальника учебного отдела в училище П.П. Прянишникова: «Не протягивай губы, когда тебя не целуют». Я тоже повернулся и отошел в сторону. Стоя в толпе, я затылком почувствовал, что кто-то сзади сверлит меня глазами. Обернулся. Точно. Прямо за моей спиной стояла мать Галины Юлия Исааковна Мельцер. Мне показалось, что ей не терпелось меня задушить. Но поздно. Душить меня надо было раньше, в Урюпинске.

На Новодевичье кладбище ни моя сестра, ни ее мать не поехали. Я поехал! Помянули покойницу в ее квартире. Ее сын Владимир Аллилуев и его жена Светлана организовали поминки. За столом я сидел рядом со Светланой Иосифовной.

Академические будни

А в академии занятия шли по плану. День за днем приближалась защита дипломной работы. Наш курс состоял в основном из офицеров, послуживших в войсках. 30 человек, в том числе и я, были выпускниками общеобразовательных школ. Нам обещали (так было раньше), что присвоят нам звание младших лейтенантов на втором курсе. При переходе на второй курс, как и на последующие, нам повышали стипендию на 100 рублей (с 650), но «прокатили» по присвоению звания офицера. Несерьезность, мальчишество так и перли из нас. Так и дурачились мы все пять лет. Часто приходилось слышать: «когда вы повзрослеете, в конце концов». Вспоминаю зимой в шинелях, с портфелями я и мои друзья Саша Соколов и Олег Григоренко из академии после занятий шли домой. Около метро «Динамо» снегоуборочные машины оставили кучи грязного снега. Олег и Саша, верзила выше меня, запросто перемахнули одну из них и стали ждать меня. Собравшись, я разогналса и перелетел кучу. Приземляясь, чуть не сбил мужика. Тот вместо ругани вдруг сказал: «Молодец!» и пошел своей дорогой. Его слова, вернее одно слово «молодец» оказалось для меня сильнее всякой брани. Больше ни я, ни мои друзья. Не прыгали на улице и вели себя как положено курсантам – слушателям академии.

Для практической работы нас вывозили в академическую базу «Кубинка» под Москвой. На фронтовых бомбардировщиках ИЛ-28 стояла радиоаппаратура, с которой мы работали, находя неисправность, заложенную преподавателем. На практику мы выезжали на аэродром около города Коломыя (Западная Украина). На аэродроме базировался полк самолетов ИЛ-28. В этой командировке я с удивлением узнал, что летный состав котируется выше инженерного. Однажды во время ночных полетов повалил мокрый снег крупными хлопьями. Все вокруг померкло, даже огни взлетно-посадочной полосы (ВПП). «Непременно, – подумал я, – отменят полеты». Ничуть не бывало! Летчики шутили: «Сложняк! Двойная оплата!» По-деловому поднимались они по стремянке в кабину. Включали двигатели, фары и скрывались в снежной завесе. Это вызывало во мне искреннее преклонение перед летным составом. Никакого сравнения с нами – обслуживающим персоналом – технарями.

Свобода и смерть Василия

В январе 1960 года позвонил Саша: «Отец приехал. Приезжай». «Слава Богу!», – подумал я, кончился видимо срок и наконец вся семья собралась вместе. Ехал я на Новослобод-

скую с желанием в первую очередь увидеть и познакомиться с самим Василием Иосифовичем. А потом, думал я, при случае, спрошу, почему он не принял меня в траурные дни. Но когда я его увидел, то желание спросить об этом тут же пропало. На улице я бы его не узнал, хотя образ Василия хорошо знал по фотографиям. Вместо статного генерала ВВС в моем представлении, я увидел сильно облысевшего, невзрачного, моего роста жалкого человека. Позже Галина Александровна рассказала о его проблемах с ногами, желудком и сердцем.

В мартовские дни 1953 года Василий был травмирован настолько, что вряд ли осознавал свои поступки. Смерть отца он связывал со своим концом. До меня ли ему было тогда. Тюрьма сделала свое дело, она искалечила Василия, но не сломила окончательно. Он был освобожден досрочно. Смерть узника, сына Сталина, была нежелательна. На Фрунзенской набережной ему дали трехкомнатную квартиру (взамен особняка), вернули машину «Паккард», выдали 30 тысяч и бесплатную путевку в Кисловодск. Комплект генеральского костюма в дорогу пришлось заново собирать. Надя приезжала на 2-ю Песчаную и забрала две мои военные рубашки с галстуками. После Кисловодска Василий безуспешно просит дать ему работу. От безделья начинает пить и от отчаяния пытается попасть в посольство Китая. К тому же на свою беду совершает ДТП с участием иностранцев. Василия снова арестовывают и уже в апреле того же года опять заточают в тюрьму.

Президиум ЦК решил: «В связи с преступным антиобщественным поведением В.Сталина отменить Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1960 года о досрочном освобождении В.Сталина от дальнейшего отбытия наказания и снятия судимости; водворить В.Сталина в места лишения свободы для отбытия наказания согласно приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20.09.1955 года».

В апреле 1961 года Василия высылают в город Казань сроком на 5 лет под фамилией Джугашвили. В Казани ему выделяют однокомнатную квартиру в «хрущевке» на последнем этаже по улице Гагарина в доме № 105. Вместе с ним поселились: его новая жена Мария Нузберг (Шевергина), с которой он познакомился в больнице, и ее две дочери, удочеренные Василием. Побывав на «свободе» менее года, 19 марта 1962 года Василий скончался. О смерти отца мне сообщил Саша. Капитолина Васильева, одна из незарегистрированных жен Василия, вместе с Сашей и Надей ездили на похороны. Светлана Иосифовна не поехала, хотя находилась в Москве. Похоронили Василия в Казани на Арском кладбище. Значительно позже одна из его приемных дочерей перенесла прах в Москву на Троекуровское кладбище, где похоронена их мать. Говорят, на этом кладбище, в основном хоронят чекистов. О перезахоронении отца Саша узнал из газет.

Наследство И.В. Сталина

Позвонила Светлана Иосифовна. Она сказала, что у отца нашли сберегательную книжку на сумму 30 тысяч рублей. «Я решила распорядиться этими деньгами, – сообщила она, – следующим образом: у папы было трое детей. Сумму делим на троих – по десять тысяч. Яша имеет двоих детей. Значит, каждому по пять тысяч. У Васи их четыре, следовательно, каждому по две с половиной тысяче. Свою часть, 10 тысяч, я забираю себе».

В ответ я поблагодарил ее за столь справедливое решение. «А вот твоя сестра устроила мне истерику. Она считает, что вся доля Якова принадлежит ей, а не какая-то половина».

Что это были за деньги, доставшиеся мне в наследство от великого деда? Черный хлеб стоил 1,35 рубля, белый – 2,80, картошка – 40–50 копеек, говядина 12,8 рубля, сельдь – 9 – 11, сахар – 9,50, водка – 40 рублей, пальто мужское 600–800, велосипед – 600 рублей.

Новый автомобиль «Москвич» тогда стоил 8 тысяч рублей и автомобили были в свободной продаже, можно было еще поднакопить или занять... Но на полученные деньги я решил купить пианино, потому что мама очень хотела стать музыкантом и хорошо играла

на многих инструментах, и в молодости даже играла в Урюпинске на пианино при показе немых кинофильмов в кинотеатре.

Завод г. Подлипки

В августе 1959 года окончил академию в звании инженера-лейтенанта ВВС. Направили меня служить в г. Подлипки на завод КБ (конструкторское бюро) «Салют», которое возглавлял Сергей Павлович Королев. На заводе я попал в цех № 39, в котором проверяли ракету-носитель 8к75. В кинофильме «Укрощение огня» хорошо показана эта ракета. В цехе происходили «горизонтальные» испытания всех пяти блоков ракеты: один «центральный» – вторая ступень и четыре «боковушки» – первая ступень.

В должности младшего военпреда я начал свою работу. На территорию завода и в каждый цех можно было пройти по специальному пропуску. Мне, как и всем военпредам, выдали пропуск-«вездеход», т. е. я мог пройти в любой цех завода. Выдали мне также белый халат, металлическую печать и портфель для секретного делопроизводства. «Военная приемка» на заводе имела порядка 50 человек. Кроме офицеров в штате было несколько гражданских лиц, в основном комсомольцы с техническим образованием, юноши и девушки.

Вскоре меня избрали секретарем комсомольской организации военной приемки. Город Подлипки находится в Подмоскowie, поэтому одним из первых культурных мероприятий была поездка в Москву в Третьяковскую галерею. Поручил я по желанию двум-трем комсомольцам прочитать необходимую литературу и быть готовыми доложить непосредственно у картин о художниках. Вспоминается, как мы монтировали сигнализацию в подшефной больнице. Завод изготовил диспетчерский пульт, выделил нам необходимые инструменты, обеспечил проводами. Инженер 39 цеха обаятельный Федя Лухманов дал мне свой «личный пробник» – амперметр с батарейкой для прозвонки цепей. Закончив работу, после ужина поехали по домам. Все инструменты подарили больнице, в том числе и Федин «пробник». Длительное время Федя Лухманов, встречая меня в цехе, каждый раз, широко улыбаясь, спрашивал: «Евгений Яковлевич, а пробник?»...

Работа в цехе обычно была в одну смену. Но, если прижимали сроки, организовывали и вторую. Проверка каждого агрегата (узла) изделия происходила строго по инструкции. Например, приемка рулевых машинок, отклоняющих сопла рулевых камер сгорания.

Основные – маршевые сопла закреплены неподвижно. В комнате испытателей стоят порядка десяти стоек (по каждому агрегату). Вместе с работником Отдела технического контроля (ОТК) выполняешь написанные операции. Сдача военпреду оформляется подписями в паспорте. При подготовке запуска космонавта в паспорте каждого прибора по диагонали проводится широкая красная полоса: «На борту человек».

Здание 39-го цеха на территории завода выделялось своей высотой. Вначале планировалось проверять блоки в вертикальном положении, но потом отказались. После испытаний блоки погружались в железнодорожные вагоны. Отдвигались высоченные двери-задвижки, и мотовоз по очереди подавал в цех один вагон за другим. С помощью крана, движущегося по стенам цеха, происходила загрузка каждого блока ракеты. Вагоны опломбировывались, выделялась охрана, и состав отправлялся на Восток. Не знаю, кто выдумал «засекретить» полигон, назвав его Байконуром. В Казахстане в самом деле есть такой городок, только он расположен в 500–600 километрах от полигона. В свое время на пустом месте в степи был построен город «Ленинск» – столица полигона, недалеко от железнодорожной станции Тюра-Там.

Первая командировка

Вслед за изделием отправлялась небольшая бригада рабочих и инженеров завода, инженеры КБ «Салют» и военный представитель. Заводская бригада обычно выезжала поездом, инженеры КБ чаще пользовались своим самолетом и давали такую же возможность нам – военпредам. Первую свою командировку на полигон я летел на самолете. По договоренности все ведущие по своим приборам от разных фирм собирались во «Внуково». Помню, собралось человек 20. Подошел летчик в гражданской форме. По списку отметил присутствующих. Затем, улыбаясь, предложил в течение получаса «погреться» в буфете и удалился. Время было 23 часа.

В буфете познакомился с военпредом-прибористом Станиславом Бакушкиным. Он обратил на себя внимание тем, что в отличие от всех нас, которые заказали по 100 граммов коньяка, он попросил налить ему вино «Алиготе». Так и осталась за ним кличка «Тов. Алиготе». «Согревшись» мы последовали за членами экипажа к самолету, который стоял недалеко от аэровокзала. В самолете занимай любое кресло! Глухо закрывается дверь. В тишине слышно, как начинают по очереди запускать двигатели, увеличивая обороты, самолет медленно трогается. Пороулив по аэродрому, мы останавливаемся. В окне за бортом самолета видны огни аэропорта. Наконец взрели моторы, ускорение нарастает, прижимает к креслу, еще минута и я в воздухе. Под крылом поплыла ночная Москва. Как тут не вспомнить песню А. Пахмутовой «Надежда»: «Снова между нами города...»

Через три часа посадка в городе Уральск. Пока заправливали самолет, нас пригласили подождать в аэропорту. Через два с половиной часа были на месте. Выхожу из самолета и попадаю в «духовку». Такое было первое впечатление. Жара – вот что характерно для полигона летом, и холод, ветер с песком – зимой. Необходимые формальности в бюро пропусков, после чего отправляемся на свою площадку № 2.

Площадка № 2 (41 км)

Королевская площадка № 2 находилась в 40 километрах от города Ленинск. Это был небольшой городок, расположенный в стороне от огромного и высокого, порядка 80 метров, здания. Называлось строение Монтажно-испытательный корпус (МИК), точно такой же, как на заводе. По прибытию изделия на полигон, в МИКе его проверяют в том же объеме, как и на заводе (мало ли что могло случиться в пути хотя бы от стыков рельс на 2000-м перегоне). Здесь же проверялась и вся космическая аппаратура. В городе имелось множество подсобных хозяйств: гостиницы, столовая, автопарк, для командировочных бесплатный кинотеатр и т. д. Подсобных площадок на полигоне было несколько, но наша королевская была главной. Отсюда в 1957 году был запущен искусственный спутник Земли (ИСЗ), отсюда в 1961 году 12 апреля стартовал Ю. Гагарин.

Оборудование

Вернемся к ракете-носителю. После проверки и устранения замечаний отдельные блоки (5 штук) собирают в «пакет» и грузят на железнодорожный кран-укладчик в горизонтальном положении. В центре «пакета» находится «вторая ступень» (центральный блок). Вокруг него крепятся растяжками на пиропатронах «боковушки» – «первая ступень». При подъеме работают обе ступени с самого начала полета. Собранный пакет отвозят на «стартовый комплекс» в 10–12 километрах от МИКа.

«Пусковой стол» стоит на краю громадного котлована, поэтому его иногда называют «козырек». Котлован служит для отвода струй двигателей. Ракету поднимают в вертикальное положение и вставляют в шарниры боковушек четыре опоры подвижных ферм, работающих по принципу коромысла. При их помощи ракета не стоит на столе, а висит. При подъеме опоры освобождаются и уходят в сторону под собственным весом. В «стартовый комплекс» входит еще «бункер» – объект глубоко под землей, из которого производится запуск. На поверхности бункера установлены бетонные столбы-наконечники для разрушения блоков в случае их падения. Пуск производит боевой расчет офицеров.

Для наблюдения полета имелась трибуна под навесом в 3–4 километрах от старта. Она имела проводную «громкую связь» с бункером. За время работы в Подлипках я был свидетелем и неудачных пусков. Например, я видел гибель собачек Белки и Стрелки. Сначала ракета хорошо, то есть штатно по времени, сошла со стола и начала, ускоряясь, набирать высоту. По «громкой связи» в динамике голос оператора:... «Пять секунд. Полет нормальный... Десять секунд. Полет нормальный... Пятнадцать секунд...» Наступила пауза.

Вдруг у одной из боковушек вырвалась черная струя. «Авария», – мелькнуло в голове. Ракета качнулась и стала заваливаться в сторону. Сработало аварийное «отключение двигателей». Движение ракеты стало замедляться, и на мгновение ракета повисла в воздухе. Затем «гвоздем» начала падать. При ударе о землю мы вначале увидели огромный столб огня. Потом над степью прогремел взрыв. Черное облако поднялось над степью. Несмотря на неудачу, был и утешительный факт: ракета упала в стороне, не повредив дорогое сооружение «пускового стола».

Хозяин площадки

Сергея Павловича Королева – Главного конструктора КБ «Салют» близко я никогда не видел, но слышать о нем приходилось больше чем надо. Первый раз – на заводе в Подлипках. Он пришел в наш 39 цех в окружении работников КБ и завода. Шла приемка одного из боковых блоков. Целая толпа белохалатников вошла в цех, о чем-то поговорили, постояли, посмотрели на нас и затем ушли. Потом много раз я видел Королева на полигоне в МИКе и на стартовой площадке, а также в кинозале, куда он иногда заходил. Сидел один, молча, после просмотра также молча уходил в свой домик. Вид у него был суровый. Я не видел, но говорят, что он выгонял женщин со старта. Женщина на старте – плохая примета. Интересно, как же он согласился на решение Хрущева запустить в космос В. Терешкову. Как Королев реагировал на ее поведение в полете, мы знаем!

Работа в МИКе обычно велась неторопливо. Но как только проходил слух, что прибыл СП (Сергей Павлович) или просто «Король», то все преображалось: все проблемы с бензином в автопарке, со спиртом на складе, со смежниками решались быстро. Помню, как гоняли в Москву самолет за какой-то деталью. Словом, работа закипала и «была ключом».

Сын Н. Хрущева

На нашей площадке я видел еще одного Главного конструктора В.Н. Челомея. Он возглавлял КБ «Филиал № 1». Его команда доводила до ума ракету 8к84. Прибыл он на полигон со свитой, в которой находился сын Н.С. Хрущева Сергей, лауреат Ленинской премии и даже Герой социалистического труда. В 2009 году известный ракетчик В.Н. Бугайский в книге «Эпизоды из жизни Главного конструктора самолетов и ракетно-космических систем» написал о стиле работы В. Челомея. В. Бугайский длительное время с ним работал и в общении хорошо познал его и как специалиста, и как человека. Он прямо пишет: «...высочка

и авантюрист, пользующийся поддержкой Н. Хрущева» (*Бугайский В.Н.* Эпизоды из жизни Главного конструктора самолетов и ракетно-космических систем, 2009. С. 68–73).

В.Н. Бугайский в книге раскрывает секрет особого отношения Хрущева к Челомею. Он пишет: «Сталин в свое время на совещании назвал Челомея «авантюристом в технике» и освободил его от обязанностей Главного конструктора. Оказавшись не у дел, Челомей подвизался преподавателем в МВТУ (Московское высшее техническое училище). Казалось, после этого скандала ему уже не подняться. Умер Сталин, появился Хрущев, который, как известно, питал особые чувства к тем, кого наказывал Сталин». Надо сказать, что по результатам работ трех наших ведущих конструкторов у военных сложилось устойчивое мнение: «Королев работает на ТАСС, Янгель – на нас и Челомей – на унитаз».

Приезд сына Хрущева на площадку естественно вызвал интерес и многие «любители поглазеть на знаменитость», в том числе и я, стали ходить на их совещания, планерки. Хотелось, прямо скажу, послушать лауреата, Героя, как он разбирается в ракетном деле. Но Сергей Никитович ни разу не выступил, тихо сидел в президиуме рядом с В. Челомеем.

Умничать перед такой аудиторией он не решался. Сам он прекрасно понимал, что попал в президиум комиссии благодаря своему отцу, а не по своим научным заслугам. Позже, как только сняли Н.С. Хрущева, в октябре 1964 года, он также был отправлен в отставку. Другое дело сегодня. Ныне обласканный сынок, неудачный ракетчик нашел пристанище в США в роли политолога. Нет, нет, да и появляется на экранах наших телевизоров. То он рассказывает, какой его папа был хороший, то наводит «тень на плетень» по поводу судьбы своего брата Леонида, загадочно погибшего в годы ВОВ. Теперь Сергей Хрущев, после того как его папаша основательно почистил архивы, может смело говорить о брате все, что ему захочется. Ведь недаром Н.С. Хрущев собирался наградить посмертно сына Звездой Героя, да не успел (*Мартиросян А.Б.* 200 мифов о Великой Отечественной войне. За порогом победы. М.: Вече, 2009. С. 286–293).

Изделие 8к75

Ракета 8к75 была создана С.П. Королевым в первую очередь для доставки ядерной боеголовки. Точка попадания на расчетной дальности определялась площадью эллипса. Вытянутую часть площади эллипса определяла инерционная система наведения. Ширина зависела от точности коррекции полета с помощью радиосистемы. Полет проходил в полном молчании радиоаппаратуры. На крайнем участке выведения за пять секунд до выключения двигателей в эфир выходит сигнал передатчика. На земле в пункте управления определяется место нахождения ракеты. Ее координаты сравниваются с расчетными, и на борт посылается команда «влево-влево» или «вправо-вправо». После коррекции траектории выключаются двигатели, и отделяется баллистическая боеголовка.

Классический запуск 8к75

Запуск изделия венчал работу и КБ «Салют», и всех смежных организаций. Желающие посмотреть собирались на НП, вели разговоры, шутили, поглядывая иногда в сторону ракеты. Если пуск производился ночью, то в темноте черной степи она сильно выделялась своим свечением. За несколько минут до старта по громкой связи звучит первая команда: «Ключ на старт!» Ключ представлял из себя небольшой металлический стержень с плоским округлым концом. На другом конце стержня как у обычных ключей была бородка. Ключ вставлялся в специальное гнездо на стойке (типа шкафа) и по команде «ключ на старт» оператор поворачивал его до упора по часовой стрелке. Этот ключ запрашивает (подает напряжение) на борт ракеты-носителя. При этой команде зрители настораживались, но продол-

жали свои разговоры. Томительно проходит время порядка 3 или 5 минут. Внезапно звучит команда: «Минутная готовность!» Сразу наступает мертвая тишина. Слышен только слабый фон-гудение переменного тока в динамиках. Взоры людей устремлены на освещенную стартовую площадку. После небольшой паузы звучит команда: «Протяжка один!» Пошла запись многоканальной телеметрической аппаратурой со всех датчиков ракеты-носителя (давление в камерах сгорания, в баках, в углах поворота рулевых машинок и т. д.). Эти записи контроля в полете передаются с помощью телеметрического радиоканала. В случае аварии они помогут определить причину. Если нет замечаний, то следует команда: «Протяжка два!» Движение ленты увеличивается до штатной скорости. От ракеты отходит подпитывающая жидким кислородом кабель-мачта. Затем следует команда: «Пуск!» Включается автомат запуска двигательной установки. Все! На этом операторам остается только смотреть и фиксировать работу автоматической системы. Оператор на пульте видит, как проходят следующие команды: «Зажигание!» – воспламеняется горючее (керосин и жидкий кислород) в камерах сгорания; «Предварительная!» – двигатели работают на половину мощности; «Главная!» – двигатели вышли на максимальную тягу и затем «Подъем!», после которой происходит отрыв ракеты от пускового стола.

После яркой вспышки по команде «Зажигание!» площадка погружается в облако серой пыли и накрывают ракету. Но через секунду показывается ее голова. Только сейчас мы, зрители, услышали грозный рев двигателей. Вылезая из облака, ракета озарила местность свечением своего огненного хвоста и, ускоряясь, уходит в черное небо. Она уходила с ревом и каким-то треском. По громкой связи шел отсчет секунд полета. «Десять секунд – полет нормальный... 20 секунд – полет нормальный... 40 секунд – полет нормальный...». А тем временем ракета уходила все выше и выше, и хвост ее становился все бледнее и бледнее и вскоре превратился в белую точку. По громкой связи счет прекратили на 120-й секунде и сообщили: «Разделение». Отстрел первой ступени – четыре боковушки. В результате белая точка оказалась в светящемся кресте еще работающих двигателей первой ступени. А вторая ступень – центральный блок продолжала полет, набирая нужную скорость до полного исчезновения.

Гибель маршала ракетных войск стратегического назначения (РВСН) Неделина М.Н.

Были и трагические случаи. Например, гибель Маршала Ракетных войск Митрофана Ивановича Неделина. Нам рассказали в Москве наши коллеги другого КБ. Готовился запуск двухступенчатой боевой ракеты. В отличие от нашей, в которой компонентами топлива были керосин и жидкий кислород, боевая ракета была заправлена новым токсичным топливом – гиптилом. Задолго до старта Маршал прибыл на площадку и наблюдал за подготовкой. Неожиданно заработал двигатель второй ступени. Он мгновенно прожег бак первой ступени, пламя охватило всю ракету. Последующим взрывом была уничтожена ракета и весь персонал, находящийся на фермах обслуживания. Кто не сгорел, те умерли от удушья парами гиптила. Говорят, приехал сам Л.И. Брежнев. О Неделине в печати было краткое сообщение, что погиб в авиационной катастрофе.

Сухой закон – не помеха!

Водка на полигоне официально не продавалась даже в столице г. Ленинск. На праздники на семью офицера продавали по две бутылки. Однако, при желании, водку всегда можно было достать. Никаких заборов и границ в степи не поставишь. На машине по

степи можно проехать в любой населенный пункт к казахам. Бери хоть ящик. Это если ехать далеко. Рядом перекупщики казахи набавляли цену. У рабочих нашего завода был свой источник – спирт, который выдавался для промывки контактов штекерных разъемов. Согласно инструкции бригадир выдавалось определенное количество спирта. Бригадир к положенным по инструкции 5-ти литрам спирта приписывал еще 5 и получал 10 литров чистого медицинского спирта.

Хранили его в канистре, а для мелких расходов переливали в стеклянный графин и запирали в небольшой настольный сейф. Помню, дело было зимой: двое рабочих сильно промерзли на улице и решили перед обедом «дернуть», чтобы согреться. Кинулись к бригадире – он уехал и увез ключи от сейфа. Не долго думая, они из нержавеющей стали сварили поддон типа корыта. Поставили его на цементный пол. Подняли сейф и грохнули его об пол в это корыто. Графин естественно разбился, а спирт весь оказался в поддоне. Сейф поставили на место для порядка. Пьяных на работе я не встречал. В гостинице всякое бывало. Одно время начальство ставило вопрос о замене медицинского спирта (этилового) на метиловый. С.П. Королев даже запретил говорить на эту тему, опасаясь несчастных случаев. От метилового спирта у человека возникает слепота, а иногда наступает смерть.

Быт и отдых

Завтракали и ужинали мы обычно в гостинице. Обедали в единственной столовой, она была для военнослужащих, которые на мотовозе приезжали из Ленинска, для командировочных и просто желающих пообедать. Каждый раз столовую приходилось брать штурмом. К открытию дверей у столовой собиралось не менее пятидесяти человек. За минуту до открытия стоящие у дверей начинали барабанить в дверь. Открывающий дверь очень рисковал быть сбитым ворвавшейся толпой. После прорыва все устремлялись к подносам. Громыхая, они забирали их и становились в очередь на раздачу. Зимой вначале бросались к вешалке, военные скидывали с себя шинели, приезжие – куртки, в общем, верхнюю одежду и уже потом занимались подносами. В такой суматохе у одного «ротозея» – полковника из Управления МО сперли дубленку.

По воскресеньям, если не было работы в МИКе, мы, правда, очень редко, ездили в Ленинск на пляж искупаться. Пляж в воскресенье представлял собой муравейник. Практически вся молодежь города, а Ленинск – город молодых, находилась на пляже. Оборудование пляжа мне напоминало пляж в Урюпинске, из-за отсутствия всякого оборудования. Но были различия. В Урюпинске на пляже белый песок, чистая вода. На другом берегу Хопра крутой обрывистый берег, дубовый лес. Здесь везде серо-желтый песок, что на дорогах, что на пляже. Высоту противоположного берега было трудно определить: то ли метр, то ли полтора. Вода в Сырдарье просто мутный поток. Но зато сколько же здесь солнца! Его было навалом, от него пылало все вокруг. Даже вода не давала прохлады. Как потные приехали, так и уезжали потными. Газированную холодную воду здесь продают не стаканами, как у нас в Москве, а пол-литровыми банками. Выпили по две банки и поехали обратно. Спрашивается: ради чего тащились 40 километров? Оказывается, тащились «ради интересу».

Тюльпаны

Обычно командировка длилась порядка одного месяца. За каждые сутки полагалось по три рубля, и общая сумма выплачивалась в день отъезда. Какой-то умник-крохобор установил «закон»: день приезда и день отъезда оплачивать как за одни сутки. Если вначале радовалась новая обстановка, то в конце все надоедало. Интересно, как космонавты, находясь в

корабле более месяца, не сходили с ума. А о пребывании их по полгода и говорить не приходится. Только за это можно сразу давать героя. Это я к слову, а сейчас вернусь к отъезду.

Окончив работу все командировочные «уматывают» домой в основном поездом (трое суток в пути до Москвы). Некоторые, в том числе и я, улетали самолетом Аэрофлота. Попасты в списки такого самолета мне помогал бывший летчик Евгений Николаевич Орлов – сотрудник КБ «Салют» по перевозкам (работал у Василия Сталина до 1953 года).

В марте и начале апреля в степи Казахстана происходит настоящее чудо. Вся степь покрывается разноцветными тюльпанами. Дикие, степные тюльпаны не похожи на парниковые. Они небольшие, с длинным корнем и имеют большие зеленые листья. Их приятно держать в руках. В дорогу их выкапывают с еще не распустившимся бутонем. Однажды я привез целый букет таких тюльпанов своей супруге Нане.

Военная приемка радиозавода

В коллективе военного представительства завода было три офицера, с которыми у меня сложились дружеские отношения. Это были: Валерий Прусс – неторопливый и рассудительный аристократ, его манерам разговора можно было позавидовать. Будучи женатым, он представлял идеального семейного человека. Володя Сясько также был женат на прелестной Леночке. Он рассказывал мне, что в период ухаживания за Леной они устраивали встречи на вокзале. По прибытию поезда они, как и все встречающие на перроне, целовались. Свою жену Владимир Борисович ласково называл «малый» за ее твердый, мужской характер. «Малый» давал «добро» или «запрет» на все мероприятия. «А малый знает?» – всегда спрашивал я. И наконец Володя Плоткин, перспективный и думающий офицер, отличался в среде офицеров своей воспитанностью и скромностью.

Вместе с Сясько я подружился с гражданским инженером военной приемки Валентином Свиридовым по прозвищу «генерал». В приемке только мы – я и Володя – называли Валентина генералом, поскольку он был нашим другом. Добрый по своей натуре и покладистый во всем, он старался произвести солидное впечатление, только не всегда получалось. Однажды на работу «генерал» пришел с намотанным на горле шарфом. Никто бы не обратил на это внимания, если бы не его оглушительный кашель. В горле что-то першило и ему приходилось время от времени, извиняясь, с надрывом это устранять.

В тот день наш начальник районный инженер устроил совещание в своем кабинете. Короткая время в ходе совещания В. Сясько без задней мысли просто кашлянул в кулак. Недалеко сидящий «генерал» пригрозил ему кулаком. Сообразив, в чем дело, Сясько шепнул мне. Немного погодя я тоже кашлянул в кулак, но значительно громче. Мы стали провоцировать «генерала» на его коронный кашель. Он долго держался. Наконец, так бабахнул на весь кабинет, аж форточка захлопнулась. Все вздрогнули. «Извиняюсь», – сказал «генерал», поднимаясь и сверкая глазами.

Снова в Грузию

Собираясь в отпуск всегда помнил слова второго секретаря Горийского района Реваза Александровича Бзишвили: «Приезжайте почаще, привезите своих друзей». Первое время мы с ним были на «вы». К 1962 году его избрали первым секретарем Горийского райкома партии. В отпуск собирался и Володя Плоткин в свой любимый Крым. Мне удалось его уговорить на недельку «заскочить» в Грузию. Во-первых, вдвоем веселее, а во-вторых, он никогда не бывал в Грузии.

Предварительно я дал телеграмму Р.А. Бзишвили на предмет, как он смотрит на наш приезд. Ответ я получил немедленно: «Мы вас ждем». Эту телеграмму я храню до сих пор.

Далее все пошло как в калейдоскопе. Снами постоянно находились Отари и Лейла Коринтели, их дочь Лиана, сын Миша и сестра Лейлы Лаура. Наш гость Володя Плоткин вначале был, по-моему, в восторге. Но потом каждодневные застолья ему надоели. Дня через два-три нас поместили в г. Боржоме в доме отдыха «Плато». «Ну, слава Богу, – сказал Володя, – теперь-то уж точно отдохнем». Но, сказав это, он поторопился.

Боржомские ребята также умели «держат марку». Куда нас только ни возили и везде застолье. В доме отдыха нас перехватывали отдыхающие. Какой отдых. Володя стал проситься, чтобы его отпустили домой. Однажды в очередной раз приехала компания. Володя наотрез отказался куда-либо ехать: «Ты давай езжай, – обратился он ко мне, – а я здесь побуду». Тогда один из приезжих обратился к нему: «Ну, хорошо, дорогой, понимаем тебя, а в библиотеку прокатиться можешь?» – «В библиотеку, – удивился Володя, – конечно не откажусь». Поехали. Приехали и стали подниматься по ступенькам вверх. Вдруг Володя толкнул меня в бок со словами: «Смотри!» Я поднял голову: перед нами крупными буквами висел транспарант «Ресторан». А рядом, еще невысохшей краской на фанере была надпись «Библиотека». Мы с Володей догадались почему «испортилась» машина по дороге на полчаса. Делать нечего. Снова пришлось садиться за стол. Через день Володя уехал.

Дом отдыха «Плато»

Директор дома отдыха Ной Гонгладзе оказался легендарной личностью – был одним из тех военнопленных, которые на острове Тексель (Голландия) подняли восстание в 1945 году.

Не очень охотно директор все-таки рассказал о своей одиссее. Коротко она выглядит примерно так. Немцы во время войны из советских военнопленных создавали национальные боевые легионы (армии) – казахский, киргизский, латышский и т. д. Грузинский легион был создан в 1941 году. Гитлер не особенно доверял этим легионам и часто переправлял их в глубь оккупированных территорий.

В 1943 году 88-й грузинский батальон в количестве 800 человек был передислоцирован на голландский остров Тексель. В апреле 1945 года батальон восстал и захватил остров. Пятитысячный десант немцев потопил в крови это восстание. Ною Гонгладзе было непонятно, почему англичане только обещали помочь восставшим высадкой десанта. «Обещали, – говорит директор, – на третий день восстания, однако никакого десанта не последовало. До 15 мая 1945 года никто на острове не знал, что война окончилась. Только 20 мая высадились канадские солдаты и заставили немцев сложить оружие».

В живых осталось 288 человек, которые были прощены и вскоре отправлены в СССР. Директор организовывал всякие встречи. В первую очередь я был представлен первому секретарю Боржомского района Джибо Николаевичу Ломашвили. Именно он впервые предложил мне попробовать ханш. Это блюдо из сваренной требухи желудка и копыт коровы. Не сразу пришлось мне по вкусу эта похлебка, если говорить дипломатично.

Джибо Николаевич Ломашвили и начальник курортного управления г. Боржоме Вахтанг Хуцишвили организовали поездку в город-крепость Вардзия – пещерный монастырский комплекс 12–13 веков. Вардзия – выдающийся памятник средневекового зодчества Грузии с сотней помещений и переходов между ними, высеченных в горе, трапезными, кельями, кладовыми и винными погребками.

Вардзия включает в себя 15 церквей. Монастырский комплекс играл важную роль в политической и культурной жизни Грузии. Он также использовался в целях обороны. В восточной части Вардзия находится тайный тоннель, который ведет к реке. В 1938 году комплекс был объявлен музеем-заповедником, а в 2007 году Минкультуры Грузии представило в ЮНЕСКО список из 15 памятников культуры и природы, в том числе и Вардзия. Город в скале начал строить грузинский царь Георгий III – отец Тамары. Строительство завершила

она. Из Вардзии царица Тамара осуществила несколько успешных походов в Турцию. Ходит легенда, что опасаясь места турок и других врагов Грузии, ее хоронили в нескольких гробах и в разных местах. Но так похоронили, что до сих пор отыскать ее могилу не могут. Город-крепость был неприступным. Однако турки все-таки взяли его благодаря землетрясению и, как говорят, предательству жителя города. По дороге Джибо Николаевич разрешил мне сесть за руль, и я до сих пор помню свой восторг от этой поездки.

Нана Нозадзе

Ной Гонгладзе также познакомил меня с хашурскими товарищами. Среди них оказался Тенгиз Джапарашвили, он был холост, и мы подружились. Однажды он приехал и пригласил меня в Тбилиси на футбол. Для меня, москвича, ехать на футбол «за тридевять земель» (до Тбилиси 180 км) было странным желанием. Но возможность еще раз побывать в столице, я упустить не хотел. Не помню, кто играл с тбилисским «Динамо, но победило наше «Динамо». Отметить решено было у родственника Тенгиза Аполлона Нозадзе. Это ему мы были обязаны за купленные билеты на стадион. Оказалось, что он отмечает годовщину рождения своего сына Кахи. В квартире собралось более 50 человек. Молодых девушек посадили прямо напротив меня. Хозяин, Аполон, рассаживая их, пошутил: «Евгений, выбирай!» Когда я входил в квартиру, то за руку знакомился с этими девушками. Одна из них при соприкосновении наших рук вдруг отдернула руку. Оказывается, ее ударило током. Весь вечер я практически не обращал внимания на девичий цветник. Я внимательно слушал тамаду, который, видимо, ради меня, говорил частично по-русски. Я проходил «свои университеты»! Наблюдал, как надо вести себя за столом, как класть на стол грузинский хлеб, что говорить и когда. Ночевал я тут же на раскладушке, стоящей в стороне от стола. Наутро я заметил, что одна из «пострадавших» девиц пришла помочь в уборке, помыть посуду. На этот раз, сидя на раскладушке, я рассмотрел эту девушку повнимательнее, и после завтрака, когда Тенгиз решил показать мне Тбилиси, я попросил взять с собой эту помощницу. Нана долго не соглашалась, «не все убрала», Аполон ее уговорил. Села с Нателой – женой Аполлона. В заключение осмотра Тбилиси заехали перекусить перед дорогой на гору Мтацминда в ресторан. Мне сказали, что ресторан построен по указанию Л.П.Берии. Грандиозный вид открывался отсюда. «Особенно большое впечатление при обзоре, – рассказывал Аполон, – получаешь ночью, когда огни домов и фонарей напоминают угли от большого костра, а некоторые, говорят, сравнили ночной Тбилиси со звездным небом, упавшим к подножью горы». Спускаясь с горы, я попросил заехать к Нане за ее фотокарточкой. Получив фотографию, я благополучно вернулся в Боржоми на Плато в дом отдыха.

Находясь один в комнате (Володя уехал), я частенько подходил к фотографии, которая стояла на тумбочке, и внимательно вглядывался в черты лица, которые мне все больше и больше хотелось видеть. Отари Коринтели привез огромный ящик с грушами, яблоками и персиками. Предложил прокатиться в Гори. Но меня уже тянуло в Тбилиси. Тенгиз Джапарашвили возил по боржомским окрестностям, на теплый источник в Ахалдаба. Там теплая вода била из-под земли. Местные мужики соорудили бассейн и баню. Искупался в бассейне и я. Говорили, что зимой эффект горячей воды при падающем снеге незабываем. Тепло меня встретил первый секретарь г. Хашури Заал Абазадзе. А однажды Тенгиз повез меня ночью посмотреть, как хашурские рыбаки ловят в Куре рыбу. Идея простая: рассыпают специальный порошок сверху по течению. Рыба как бы в полусне плывет вниз по течению и попадает в сети, натянутые поперек реки. Однако мои мысли тянулись в Тбилиси. Тенгиз несколько раз находил дело в Тбилиси и заезжал за мной. А отпуск заканчивался. В очередной приезд в Тбилиси поехали к Нане домой. Все вместе поднялись на Мтацминда. В машине были Тенгиз, я, Аполон с женой Нателой и Нана. Я попросил ее пройтись со мной по площадке,

с которой обычно туристы любуются панорамой города. Было темно, внизу пылал огнями Тбилиси, доносилась музыка из ресторана. Тут, на фоне всего города, я сделал ей предложение. Она после некоторого замешательства вдруг заплакала. Аполон и его жена бросились к ней. Кто знает, что выкинул москвич. Когда она им сказала причину, тревога на лицах Аполлона и жены превратилась в улыбку до ушей. Тенгиз предложил немедленно отметить, тем более ресторан рядом.

Никакого ответа в тот вечер я не получил и уехал в Боржоми ни с чем, но с твердой уверенностью не отступать. В следующий раз, примерно через неделю, Тенгиз привез меня к ее родителям: отец – Георгий Семенович, мать – Маргарита Алексеевна, брат Гиви и сестра Эди с сыном Леваном. Отец на пенсии, мать – домохозяйка. Жили они в небольшом доме, занимая часть дома из двух комнат. Имели пристройку, где располагалась одна небольшая комнатка и миниатюрная кухня. Потом я узнал, что под пристройкой Георгий Семенович соорудил «маран» для хранения вина. Одним словом, согласие было получено.

Смотрины

По пути в Боржоми решил заехать в Гори к Р. А. Бзишвили. Он и его жена Тамрико внимательно выслушали мой рассказ о знакомстве с Наной Нозадзе и моем решении жениться. Они поинтересовались, хорошо ли я знаю эту семью. Ясно было, что толком я ничего рассказать не могу. «Вот что, – подумав, сказал Реваз Александрович, – поедем обратно, я хочу посмотреть на эту семью». На райкомовской «Волге» помчались в Тбилиси. На обратном пути Р. А. Бзишвили долго молчал. Его что-то смущало. «Девочка она хорошая, симпатичная, образованная, окончила университет, – начал тихо он, – семья грузинская, в этом нет сомнений. Но очень трудно будет вам с точки зрения материального вопроса». Я ответил, что и сам не богат, всего лишь старший лейтенант. «Добро, – сказал Реваз Александрович, – свадьбу справим в Гори».

В своем доме стол накрыть взялась семья Коринтели. Новые горийские друзья Отари Чигладзе («Котана») и Тенгих Инаури (Троко) также приняли участие. Мой дядя Виктор Васильевич Рахманов и его жена Вера Павловна в это время по путевкам отдыхали в Боржоми. Послали и за ними машину. Но они сами приехали на «ЗИМе» Тенгиза Джапарашвили. В райкоме Р.А. Бзишвили, обнимая, поздравил меня и Нану. Затем повел в ювелирный магазин за кольцами. Но был выходной день, и магазин оказался закрытым. Послали за директором, но вернулись без него – директор уехал в Тбилиси. Милиция вскрыла магазин, и Бзишвили подручными средствами вскрыл один из стеллажей и подобрал нам золотые кольца. В ЗАГСе отсутствовала работница, регистрирующая брак. Поехали за ней. Привезли! Зарегистрировали нас с Нанулей 6 октября 1962 года.

В книге регистрации поставили свои подписи, официально приглашенные свидетелями» невесты, подруги Наны с детства – Элеонора (Нора) Гврителишвили и Цицина Даушвили. Они вместе учились в 57-й школе города Тбилиси, в университете, были рады за свою подругу. Однако, как и все родственники невесты, не могли не беспокоиться о дальнейшей судьбе Наны в далекой Москве. Ведь вся подготовка прошла по-военному – быстро.

За столом тамадой был избран первый секретарь Боржомского района Д.Н. Ломашвили. Позже тамаду вызвал в Тбилиси первый секретарь ЦК КП Грузии В.П. Мжаванадзе. Политработник В. Мжаванадзе после войны служил в Киевском военном округе. Женился на Виктории Петровне – родной сестре Нины Петровны Хрущевой. Под крылом свояка Никиты Хрущева вначале дорос до генерал-лейтенанта, а потом «как снег на голову» для грузинского народа был «единодушно избран» Первым секретарем ЦК КП Грузии. Аговорят, что чудес не бывает.

«Что Вы себе позволяете? – начал В. Мжаванадзе. В Гори на свадьбе поднимаете тост за Сталина. Вы что, не знаете решения партии о культе личности?» – «Знаю, – ответил Д. Ломаптели. На свадьбах, по нашему обычаю, поднимают тосты за предков жениха и невесты. А что мне делать, если дед нашего жениха Сталин?».

Квартира

Квартирный вопрос вскоре встал передо мною, поскольку жилье моего тестя, в котором мне придется жить, находясь в Тбилиси, было крайне убогим. Идти в Совет Министров Грузии я не хотел, потому что председателем Совмина был Г.Д. Джавахишвили. В то время многие грузины – жители Тбилиси осуждали его за недавнее выступление в Москве по поводу выноса Сталина из Мавзолея. Подстроил выступление сам Н. Хрущев. Он опасался, что первый секретарь КП Грузии, его свояк В.П. Мжаванадзе, неизвестно откуда привезенный, своим выступлением вызовет в республике взрывоопасную ситуацию. Вот те же слова пусть скажет председатель Совета Министров Джавахишвили – авторитетный государственный деятель.

Вот почему вдруг и внезапно «заболел» В. Мжаванадзе. Но квартирный вопрос надо было решать, и я пошел в Совмин. Вскоре тесть Георгий Семенович получил ордер на трехкомнатную квартиру. Однако переезжать родители жены не торопились. Причина состояла в том, что квартира находилась на последнем восьмом этаже. Поднялся я пару раз пешком в эту квартиру и понял, что надо делать обмен. Проблема с лифтами в Тбилиси существует и по сей день. Обращаться снова в Совет Министров я не посмел. Квартира пустовала длительное время.

Джумбер Ильич Патиашвили

В те годы секретарем ЦК КП Грузии по сельскому хозяйству был Д.И. Патиашвили. При знакомстве Джумбер Ильич сам рассказал, что учился в одной школе с моей женой. У нас сложились почти дружеские отношения во время довольно частых встреч. Я докладывал ему о своей работе, говорили о Василии, Светлане, об их детях и наших прохладных отношениях. Никогда не касались политики. Д.И. Патиашвили, хоть и был как все карталинцы открытым и прямым, но со мной, в моих же интересах, избегал политических тем.

Но однажды, не помню зачем, я заехал в подсобное хозяйство ЦК в районе города Мцхета. Патиашвили находился там с высокими гостями из Москвы. Это было заметно по черным машинам «Волга» и машине «Чайка».

Джумбера Ильича я застал в саду. За столом он сидел один и слушал портативный приемник. Кивком головы он поздоровался со мной и какой-то задумчивый продолжал сидеть. После паузы он вдруг медленно проговорил: «Кто нами правит». Затем встал и ушел видимо к отъезжающим гостям. Эту фразу он сказал мне один на один. Не скрою, мне было лестно, что Джумбер Ильич хотя бы так дал мне понять свое отношение к кремлевской власти.

В очередной отпуск я решил с квартирным вопросом обратиться к Патиашвили, хотя о разговорах в ЦК на эту тему, как говорится, даже не заикался. Выслушав меня, он обещал подумать. Закрыв эту тему, разговор пошел о Нане – как она чувствует себя в Москве, с кем общается, где работает. Вдруг он спросил: «Ты с Эдуардом Амвросиевичем знаком?» Я ответил, что нет, не знаком. Он тут же позвонил по телефону. Я понял, он звонит Шеварднадзе. Переговорив пару минут, он сказал: «Пойдем, он ждет». Было лето. В Тбилиси принято военным не носить галстуки, чего нельзя было сказать про Москву. Я подумал, что без галстука идти к первому секретарю неприлично, и сказал об этом Джумберу Ильичу. Посмотрев на

меня, он махнул рукой. Помню, было часов 10 вечера. Идя по коридору, Джумбер Ильич предупредил меня, чтобы я ничего у Шеварднадзе не просил. «Хорошо», – ответил я.

Это было время, когда Л.И. Брежнев поощрял написание мемуаров советскими полководцами. Вышли воспоминания А.М. Василевского, Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, С.М. Штеменко, И.Х. Баграмяна и т. д., увидели свет и книги советских конструкторов А. С. Яковлева, В.Г. Грабина. Казалось, что все идет к переоценке Сталина, данной в докладе на 20-м съезде партии Н. Хрущевым. В приемной секретарша смотрела телевизор с сильно приглушенным звуком, молча кивнула головой Джумберу Ильичу, который уже шел к двери Шеварднадзе. В кабинете первого секретаря также была полная тишина, горела на его столе лампа. Эдуард Шеварднадзе сидел и работал с какими-то бумагами. Увидев нас, он встал, поздоровался со мной за руку и предложил сесть. Мы сели напротив, по обе стороны. Вначале, рассмотрев меня, он сказал: «Я Вас слушаю». Помня слова Патиашвили «ничего не просить», я коротко рассказал о своих успехах в Москве (поступление в адъюнктуру, получение очередного воинского звания, о супруге и т. д.). В заключение своего «отчета» я сказал: «Эдуард Амвросиевич, в Москве у меня проблем нет». Наступила пауза. Прервал ее Шеварднадзе: «А в Тбилиси есть?»

Здесь я многозначительно посмотрел на Д. Патиашвили: дескать, сами видите, я не виноват, и выложил мою квартирную проблему. В этот раз мне было легче по сравнению с тем, когда я был у Г.Д. Джавахишвили, там вопрос решался с нуля. Здесь же оставалось только обменять уже имевшуюся у меня трехкомнатную квартиру на равноценную этажом пониже. Никакого обещания Э. Шеварднадзе не дал. Однако вскоре мой тесть – персональный пенсионер Георгий Семенович Нозадзе (на него была записана предыдущая квартира) получил ордер на трехкомнатную квартиру на третьем этаже нового дома на Проспекте Чавчавадзе.

Несомненно, спасибо Э. Шеварднадзе, что быстро был решен мой вопрос. Но особую благодарность я адресую Джумберу Ильичу. Это он позвонил, привел меня в его кабинет и представил. А его слова «ничего не проси» – это дипломатия работников аппарата ЦК. Джумбер Ильич вел меня для знакомства, и просить «с порога» было бы не совсем хорошо для меня. Он всей душой хотел мне помочь, а после получения квартиры интересовался ходом ремонтных работ. Что касается Шеварднадзе, то Эдуард Амвросиевич видимо полагал, что маятник в поношении Сталина может пойти в обратную сторону. Он умел всегда держать «нос по ветру». Не зря был назван «белым лисом». Например, после 20 съезда партии в конце 50-х годов он работал в Кутаиси первым секретарем комсомола. На одном из праздников города мне предложили познакомиться с Э.

Шеварднадзе. Но как только он узнал, с кем его хотят познакомиться, то мгновенно исчез в толпе. Его затылок остался у меня в памяти до сих пор. А вот при Брежневе он принимает внука Сталина, помогает решать его проблемы и солнце для него уже всходит не с Востока, а согласно его словам, непременно с Севера.

Тбилремонт

В квартире решили сначала заменить входную деревянную дверь, чтобы не разворовали сантехнику. Друг Жора Магулария знал все: где делают железные двери, кто и как делает. «Жека, – сказал он, – надо на авиационный завод и прямо к директору». Я предложил ему «спуститься на землю» и поискать, скажем, какого-нибудь слесаря или бригадира. В то время не было как сейчас фирм по изготовлению дверей, делали кустарно по знакомству. «Тебе нужна хорошая дверь? – спрашивал он. – Тогда пошли к директору». Этот разговор произошел уже в проходной завода.

Директор авиационного военного завода Важа Шалвович Тордия оказался молодым человеком, не похожим на недоступного чиновника. Небольшого роста, светловолосый и был одет как все – простой пиджак и простая сорочка с галстуком. Создавалось впечатление, как будто совсем недавно после института его из конструкторского бюро перевели на эту должность. То есть он не походил на хамоватого чиновника, внушающего страх своим подчиненным. Словом, встреча состоялась, дверь была сделана и поставлена.

Мало того, что Важа Шалвович прислал бригаду рабочих для перепланировки квартиры, так еще и регулярно приезжал проверять работу.

Индико Самсонович Антелава

Шота Кванталиани – ярый сторонник Сталина, в Москве познакомил меня с Индиком Антелава. Парень из Зугдиди приезжал в столицу за товаром для небольшого магазина, где он был директором. Как-то он поинтересовался, был ли я в Менгрелии, и очень удивился, что я там не бывал: «Вот приедешь в Тбилиси, приезжай ко мне в Зугдиди, я покажу тебе Менгрелию». И действительно, мне пришлось много раз бывать у него дома. Вначале он принимал меня холостяком, потом он женился на Люлико, которая подарила ему двух прекрасных дочурок, Маку и Нану.

Показывать свою Менгрелию Самсонович начал сразу в собственном доме. К моему удивлению хашламу (сваренные куски говядины) там подают в холодном виде. Везде в Грузии хашламу только в горячем виде прямо из кипящего котла подают на стол. «Так у нас принято», – сказал хозяин. А вот хаши подают с кувшином молока. Каждый наливает в свою тарелку с хаши молока, сколько захочет. Если холодную хашламу я не оценил, то был в восторге от хаши с молоком. С тех пор в Тбилиси, если дома готовился хаши, я непременно подливал в тарелку молоко, по-менгрельски.

Общаясь с Индиком и его друзьями, я увидел, что менгрелы очень предприимчивые люди. Они быстро схватывают суть дела и быстро его решают. Обмануть менгрела невозможно. Поэтому цыганам у них делать нечего. Себя они считают грузинами, но по характеру не похожи на открытых карталинцев или рассудительных кахетинцев, и уж, тем более, совсем не похожи на медлительных рачинцев. Имеют свой язык, но не имеют письменности. В любой толпе они быстро находят друг друга и сразу переходят на свой язык.

В Зугдиди я побывал на бумажной фабрике. Впервые видел технологию производства бумаги. Особенно мне понравилось дробление деревянных поленьев в мелкую крошку. Осмотрели знаменитую ГЭС на р. Ингури, спустились даже в подземные сооружения управления станцией. Ездили в Поти, Анаклия и в другие населенные пункты, навещали его друзей и родственников. Один родственник во время нашего приезда вдруг схватил нож и бросился в коровник. Он хотел в честь нашего прихода зарезать тельца, еле-еле уговорили его не делать этого.

Самсонович непременно знакомил меня с «большими людьми» и своими друзьями. Так он познакомил меня с директором Ингурского целлюлозно-бумажного комбината Пацация Отари Амбаковичем, первым секретарем Менгрелии Бондо Серапионовичем Чикия, Председателем городского совета Отари Читанава, которого из-за его роста и массивной фигуры прозвали «Спило» (слон). Отари Читанава отличался своим юмором. Например, он как-то за столом в компании показывал, будто убитый горем, свою записную книжку. Оказывается, его жена Луара ножницами аккуратно вырезала из нее подозрительные ей номера телефонов. Показывая веером развернутую книжку, он в отчаянии говорил: «Ну, как я теперь смогу работать!» А однажды во время спора прямо с трибуны бросил своему оппоненту: «Тебе нельзя курить!» – «Это еще почему?» – удивился тот. – «Потому что у тебя голова деревянная и может случиться пожар».

Когда Индикко узнал, что Шеварднадзе решил мой квартирный вопрос, он тут же предложил свои услуги: «Каштан, – со знанием дела говорил он, и красивее и более долговечен». Он предложил использовать каштан для изготовления оконных рам и межкомнатных дверей. Вместе с Жорой Магулария мы поехали в Зугдиди. Индикко нас ждал уже с досками. Наняли грузовую машину, загрузили и поехали в Тбилиси. Грузовую машину пустили вперед. Беспокойный Жора всю дорогу нервничал: «Пусть только попробуют остановить», – повторял он каждый раз, подъезжая к посту ГАИ. Но никто, к огорчению Жоры, не остановил. Магулария с досады даже плюнул. На авиазаводе груз поместили в сушилку, затем доставили на квартиру.

Глава 2 Сын И.В. Сталина

Письмо из Белоруссии

Осенью 2004 года получил письмо из Белоруссии. Терещенко Виктор Демьянович сообщает, что фронтовики п/о Копти Витебского района соорудили памятник Якову Иосифовичу Джугашвили. Просил выслать фото отца. «По документам, именно здесь воевал сын Сталина», – пишет В.Терещенко. В письме была приложена фотография самого памятника. Немедленно подготовил фотографию нужных размеров. Выбрал фото, где Яша сфотографирован сразу после окончания Артиллерийской академии имени Дзержинского, то есть перед самой отправкой на фронт. Через некоторое время получаю второе письмо: «Евгений Яковлевич! С коммунистическим приветом – Виктор Терещенко. В эти дни, начало апреля, на памятник Якову Иосифовичу Джугашвили монтирую портрет Якова, присланный Вами осенью прошлого года. Портрет влез в ряд с орденом Отечественной войны. Получается вроде нормально. В этом году страна отмечает 69-летие победы и жители поселка Копти, ветераны войны обращаются ко мне с вопросом: «А приедет к нам когда-нибудь Евгений Яковлевич? Очень было бы красиво, если бы Вы навестили наш воинский мемориал в удобное для вас время. Это дало бы хороший резонанс».

Таким образом, в Белоруссии ветераны первые вынесли свой вердикт – Яков погиб в бою и соорудили ему памятник с надписью: «Здесь в июле 1941 г. защищал Витебскую землю от немецких захватчиков командир артиллерийской батареи старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович – сын И.В. Сталина».

Генерал-лейтенант А. Сергеев

То, что Яков погиб в бою, утверждает и генерал-лейтенант А. Сергеев. После гибели его отца – Артема, ближайшего соратника Сталина, во время Гражданской войны, Артем Сергеев воспитывался в семье Иосифа Виссарионовича. В своей книге «Беседы о Сталине» он пишет: «Старший сын Сталина Яков ушел на фронт, воевал. Он долго считался пропавшим без вести, потом якобы оказался в плену. Но нет ни одного достоверного подлинного документа, свидетельствующего, что Яков был в плену. Вероятно, 16 июля 1941 года он был убит в бою. Думаю, немцы нашли при нем его документы и устроили такую игру с нашими соответствующими службами. Мне в то время пришлось быть в немецком тылу. Мы видели листовку, где якобы Яков с немецким офицером, который его допрашивает. А в моем партизанском отряде был профессиональный фотограф. Он на мой вопрос, каково его мнение – фальшивка это или нет, ничего сразу не сказал, и лишь через день уверенно заявил: «монтаж». И сейчас криминалистическая экспертиза подтверждает, что все фотографии и тексты Якова якобы в плену – монтаж и фальшивка. Конечно, если бы Яков, как утверждают немцы, попал в плен к ним, то они бы позаботились о достоверных свидетельствах, а не предъявляли сомнительные: то фотографии размытые, то со спины, то сбоку. Свидетеля тоже в итоге ни одного не оказалось: то они знали Якова лишь по фотографиям, то в плену опознали его: то такие же несерьезные свидетельства. У немцев хватало тогда технических средств, чтобы и на киноплёнку снять, и на фото, и записать голос. Ничего этого нет. Таким образом, очевидно, что старший сын Сталина погиб в бою».

Писатель Ю.И. Мухин

«Тем не менее, в печати 6 июня 2007 г., – пишет Ю. Мухин – появилось сообщение: «В архивах ФСБ РФ заявляют о наличии документов, подтверждающих пленение немцами старшего сына Сталина». Ю. Мухин говорит: «Давайте прочтем эту «радостную» новость подробнее: «В архивах ФСБ России имеется достаточное количество документальных подтверждений того, что сын Иосифа Сталина Яков Джугашвили действительно находился в немецком плену», – заявил в среду журналистам начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ Василий Христофоров.

По его словам, «в архивах есть многочисленные свидетельства лиц, которые находились с Яковом в фашистском плену». Согласно официальной историографии, командовавший артиллерийской батареей старший лейтенант Джугашвили был взят в плен в июле 1941 года под Витебском и находился в лагерях до 1943 года, когда он сымитировал побег и был застрелен охраной. Однако, недавно доктор исторических наук Сергей Девятов, который по совместительству является начальником Центра по связям с прессой и общественностью Федеральной службы охраны (ФСО), сообщил, что отечественные и зарубежные архивы, в том числе и архив семьи Сталина, косвенно подтверждают версию о том, что его старший сын Яков Джугашвили никогда не был в немецком плену в годы ВОВ. По мнению Девятова немцы могли инсценировать плен сына Сталина.

Девятов озвучил такие данные на прошедшем недавно круглом столе: «Проблемы публикации источников по истории России XX века, посвященных рассекречиванию материалов из архивов ФСБ России». По словам Девятова, «проведенные объективные криминалистические исследования, в том числе почерковедческие, говорят о том, что, скорее всего, это было активное пропагандистское спецмероприятие немецких спецслужб. Существует около 10 фотографий Якова Джугашвили в плену», – пояснил историк. Специалисты одного из центров Минобороны проанализировали их. «Это очень грамотный фотомонтаж. Скорее всего, были использованы те фотографии, которые были найдены на теле погибшего старшего лейтенанта Джугашвили. А когда фотографии кончились, они допустили ошибку, дав «зеркальное» изображение одного из фото – на нем застежка на мундире с другой, «женской стороны», – поясняет историк. По его словам, показательны и то, что не обнаружено ни одной киносъемки Джугашвили в лагере». Но больше всего эту версию подтверждает экспертиза записей, которые он (Яков Джугашвили) сделал, якобы находясь в плену. Ведь сохранились записи и тетради времен, когда он учился в военной академии, и если в ряде записок почерк похож и мог быть искусно подделан, то в некоторых он вообще не соответствует почерку Якова Джугашвили», – отмечает Сергей Девятов.

В Госдепартаменте США находится папка с копиями допроса нацистами Якова Джугашвили, справка о смерти, подписанная Генрихом Гимлером, главой полиции Адольфа Гитлера, заявления охранников и врача. В заключении медэксперта в акте было написано: «В области скулы в 4 сантиметрах от уха имеется входное пулевое отверстие размером с горошину. Повреждение черепных костей размером с чайное блюдце с выходом частиц головного мозга. Смерть наступила мгновенно в результате причиненных повреждений».

В версии убийства заключенного присутствует выстрел охранника из винтовки примерно с 60 метров. Но винтовочная пуля пробила бы с такого расстояния и обе скулы насквозь по прямой, а не срикошетила в мозг. Следовательно, выстрел мог быть сделан только из пистолета, поскольку только из него можно было выстрелить в голову снизу вверх (так, собственно, и проводят казнь опытные палачи). И Иона Андронов, журналист, первый опубликовавший очерк о Якове Джугашвили «Узник Заксенхаузена», абсолютно прав, счи-

тая, что заключенный был убит расчетливо и умышленно, а все эти версии про его бросания на проволоку – ложь.

Главная примета

Есть еще одно важное обстоятельство. У Якова была примета, по которой его, безусловно, можно было идентифицировать. Немцы не могли не знать, что в 1926 году Яков совершил попытку самоубийства и выстрелил себе в область сердца. Ему делали операцию, и у него после этого случая оставался шрам на груди. Так вот, немецкий медэксперт, осматривавший тело, якобы Якова, не отметил на нем не только электроожогов, но и этого шрама. А ведь этот эксперт СС понимал, что если его вызвали определить причину смерти заключенного концлагеря, то это очень важный заключенный, и Рейху необходимо не только само заключение, но и возможность впоследствии связать это заключение со смертью не кого попало, а определенного человека.

И еще о понятном. Если сын Сталина сдался в плен, то почему немцы не использовали его образ для широкой пропаганды, в которой они были мастера, и в которой шли на риск. Скажем, в Катинском деле они даже международную комиссию пригласили для обозрения ими же убитых поляков, а его прятали. Документы лагеря смерти Освенцима, в котором было уничтожено 4 миллиона евреев, немцы не сожгли и оставили нам в целости, а дело о Якове Джугашвили сожгли? Почему немцы не сняли Якова – сын Сталина для кинохроники. Как можно упустить такое событие? Наконец, почему не дали портрет знаменитого пленника на обложках глянцевого журналов? Ведь именно у них в плену находился сын одного из глав антигитлеровской коалиции.

«Существует мнение, что слова Сталина: «Я солдата на фельдмаршала не меняю» принадлежат А. Чаковскому. Немцы на самом деле и не собирались обменивать «своего» Якова Джугашвили, поскольку это был не Яков, их цель была попроще – спровоцировать Сталина на переговоры об обмене сына, а потом об этом сообщить всему миру, а главное – советским солдатам на фронте. Е.Я. Джугашвили в своем интервью совершенно точно объяснил мотивы отказа Сталина: «обмен незамедлительно вызвал бы негативную реакцию, как в тылу, так и на фронте, подорвав тем самым обороноспособность страны». И когда у немцев, – продолжает Ю. Мухин, – авантюра с обменом «Якова» не выгорела, то они его пристрелили не только за ненадобность, но и потому, что он становился опасен. Мог, по слухам о наших победах, запаниковать (ведь по натуре это был предатель – трус) и «расколоться» товарищам по бараку, выдав свою авантюру».

Двойные стандарты

Большинство опубликованных материалов и телевизионных фильмов о сыне Сталина – Якове Джугашвили содержат один и тот же смысл: Яков был в плену.

Главный лейтмотив – Яков в плену! Положение пленного Якова устраивало наше антисталинское правительство. Из детей членов правительства СССР (а на фронте были все) никто в плен не попадал, а тут, надо же, какое счастье, сам сын Сталина. Сын Хрущева оказывается в бою погиб, а сын Сталина в плен сдался. Подходит эта версия и Западу по понятным причинам – вековая ненависть!

Правда, в последнем телефильме «Темное дело» редакция НТВ начинает высказывать сомнения в правдивости немецкой версии. Например, немцы вложили в уста «Якова» антисемитские высказывания. На передачу были приглашены писатель Ю.И. Мухин и мой младший сын Яша. Мухин ответил: «Вряд ли Яков Джугашвили мог говорить с ненавистью к

евреям, поскольку его жена Юлия Мельцер была чистокровная еврейка. А немецкое командование об этом не знало». Вывод: версия неверна.

«В немецких документах, – сообщает далее ведущий, – говорится о том, что Яков Джугашвили – сын Сталина владел тремя языками: немецким, французским и английским». Настоящему Якову, выросшему в грузинской глубинке, даже русский давался тяжело (в институте и академии преподавали немецкий язык, ни французского, ни английского там не преподавали). Это говорит о том, что языками владел тот человек, которого выдавали за Якова, а не настоящий Яков. Скорее всего, этот человек уже давно жил в Европе и для него, как для большинства европейцев, знание нескольких европейских языков – обычное явление. В этом я убедился, побывав в Нидерландах. Вывод: версия неверна.

«По немецкой версии, – продолжал Смехов, – Яков погиб, коснувшись руками проволоки высокого напряжения и, одновременно часовой с вышки произвел выстрел из винтовки. Но немецкий медэксперт, прибывший из Берлина, при осмотре трупа не отметил в заключении ни ожогов, ни шрама на груди». На что мой сын Яша справедливо заметил: «Если медэксперт не заметил шрама на груди якобы Якова, стало быть, человек, убитый 14 апреля 1943 года в Заксенхаузене, не был Яковом Джугашвили, а подставное лицо. Вывод: версия неверна.

В телефильме «Темное дело» много подобных провалов. Казалось бы, можно делать правильный вывод. Однако главенствующая антисталинская интеллигенция проводит политику типа двойных стандартов: ни да, ни нет. Другими словами: Яков Сталин сдался в плен! Но в плену вел себя достойно. Следовательно, и вашим, и нашим. Умная версия, удобная для всех.

Коснусь и своего старшего сына Виссариона, попавшего в обойму режиссеров подобных изделий нынешнего Агитпрома. В поисках следов Якова он со своими немецкими коллегами в Берлине просмотрел кинохронику с 1941 по 1943 годы, но ни метра киноплёнки, ни сантиметра магнитофонной записи не нашел. Вернулся домой и говорит с каким-то удивлением: «Абсолютно ничего нет! Даже в концлагере, где сидел якобы Джугашвили, также никаких документов». Ю.И. Мухин говорит, что их уничтожили, поскольку «документы» создавались на подставное лицо и попади они в руки суда – кары не миновать.

А вот если бы Яков в самом деле попал в лапы фашистов, то немецкие новости захлебнулись бы, трезвоня «на всю Ивановскую» – «сын диктатора в плену»! Однако никакого звона не было и немецкие «Новости» помалкивали.

Сыновья благодарности

В качестве последнего аккорда мне необходимо выразить Юрию Игнатьевичу Мухину – автору книги «Трагедия Сталина и его сыновей. Я солдата на фельдмаршала не меняю» свою сыновью благодарность. Видимо сам Бог послал его нашей семье. Верила ли семья или не верила? Главное, что его книга окончательно разгромила геббельсовскую провокацию. Чрезвычайно кропотливое исследование позволило автору собрать неопровержимые и убедительные доводы, которые перевернули этот заколдованный пласт. Явно не в интересах правительства, но Ю. Мухин доказал: «Яков – сын Сталина погиб в бою!». Причем книга написана откровенным Мухинским острым четким языком инженера и, как все его работы, насыщена здоровым юмором.

* * *

Тематика исследований Ю.И. Мухина чрезвычайно обширна и не исчерпывается темами, касающимися истории СССР и ее сталинского периода. Например, он исследовал

такие темы как так называемый «холокост» (книга «Опасная тайна»), лунная афера американцев (книга «Лунная афера США»), тайна человеческой души («Не надейся – не умрешь»). Но главным его достижением, на мой взгляд, являются обнаруженные им закономерности человеческих отношений в столь важной сфере современного мира как управление. Результатом его исследования данной темы явилось появление в нашем языке нового термина – делократия. Как известно, слово «бюрократия» состоит из двух слов: «Бюро» (начальник) и «кратос» (власть), что в итоге означает «власть начальника». В такой системе управления начальник поощряет и наказывает работника. При бюрократической системе управления работник является исполнителем воли начальника. Его угодничество может отрицательно влиять на качество его работы, ради которой он был принят. При делократической системе управления поощряет работника и наказывает само Дело. Управленец системы с помощью своих подчиненных работников выстраивает технологическую цепочку для организации производства Дела. До этого момента делократическая система управления ничем не будет отличаться от бюрократической. Но когда управленец своим непосредственно подчиненным работникам поставит общие задачи, оставляя им максимум свободы для решения возникающих вопросов, отношение к труду резко меняется. В цепочке есть разделение труда, и каждый отдельный работник имеет потребителя своего труда, а также сам является потребителем труда других работников. В идеале каждый работник, участвующий в изготовлении Дела, должен быть единоличным хозяином своего участка, как хозяин мини-завода.

Книга писателя Ю.И. Мухина получилась объемом порядка шестисот страниц. Из огромного материала по созданию делократической системы управления остановлюсь только на идее создания отряда Директоров внутри технологической цепочки. В качестве примера возьмем цех по изготовлению двигателей. Скажем, токарь выточил втулку. Потребителем токаря согласно системы является слесарь (сборщик). Он должен впрессовать эту втулку в корпус двигателя, затем передать свою работу в следующее звено технологической цепочки.

А если слесарь обнаружил брак? В бюрократической системе слесаря могут уговорить или тот же токарь или начальник цеха и за какое-то вознаграждение он впрессует втулку. Оплата труда в этом случае тоже есть, но отсутствует Дело. Ибо нет здесь истинного потребителя труда у слесаря: ему заплатили люди, находящиеся по отношению к нему против хода технологического процесса.

Появление бракованной детали в делократической системе равносильно чрезвычайному положению (ЧП). Слесарь, во-первых, остановит работу. Он на своем участке сам является Начальником. Полномочия, полученные от управленца, он использует и применяет в интересах Дела. Слесарь есть представитель руководства и заинтересованное лицо по качеству продукции.

Во-вторых, он становится бескомпромиссным контролером на своем участке. Благодаря чему армии контролеров в делократической системе отсутствуют. Тоже своего рода паразиты и только отчасти и не по своей вине. Эти люди, контролеры, действительно тоже работают, получают деньги. Но Дело они не делают.

В делократической системе управления эффективно работать начнут абсолютно все: врачи и педагоги, полицейские и продавцы и, конечно все в экономике. «Ведь в бюрократической системе управления, – пишет Юрий Игнатьевич Мухин, – подчиненный – это животное. И, как полагается скотине, он туп и ленив. Вы (обращение к управленцам) из своих подчиненных сделаете Людей. Дав им свободу от себя, вы сделаете их рабами Дела, их работа станет интересной, творческой для них самих. Они начнут учиться и совершенствовать свое Дело, их успехи принесут большую человеческую радость. Половина жизни человека проходит на работе, для своих подчиненных вы сумеете эту половину сделать лучшей». (Мухин Ю.И. Законы власти и управления людьми. Крымский мост-9Д. М.: Форум, 2008. С. 293.)

Если вдуматься, то делократия представляет собой новый тип отношений между людьми. Новый тип организации людей и даже новое отношение к жизни. Не ошибусь, если скажу, то правильность толкований узловых моментов нашей недавней истории Юрием Игнатьевичем обусловлена прежде всего его глубоким пониманием мотивов поведения людей в той или иной ситуации. О сути делократии и о многом другом, очень интересном, можно узнать, прочитав книгу Ю.И. Мухина «Закон власти и управления людьми».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.